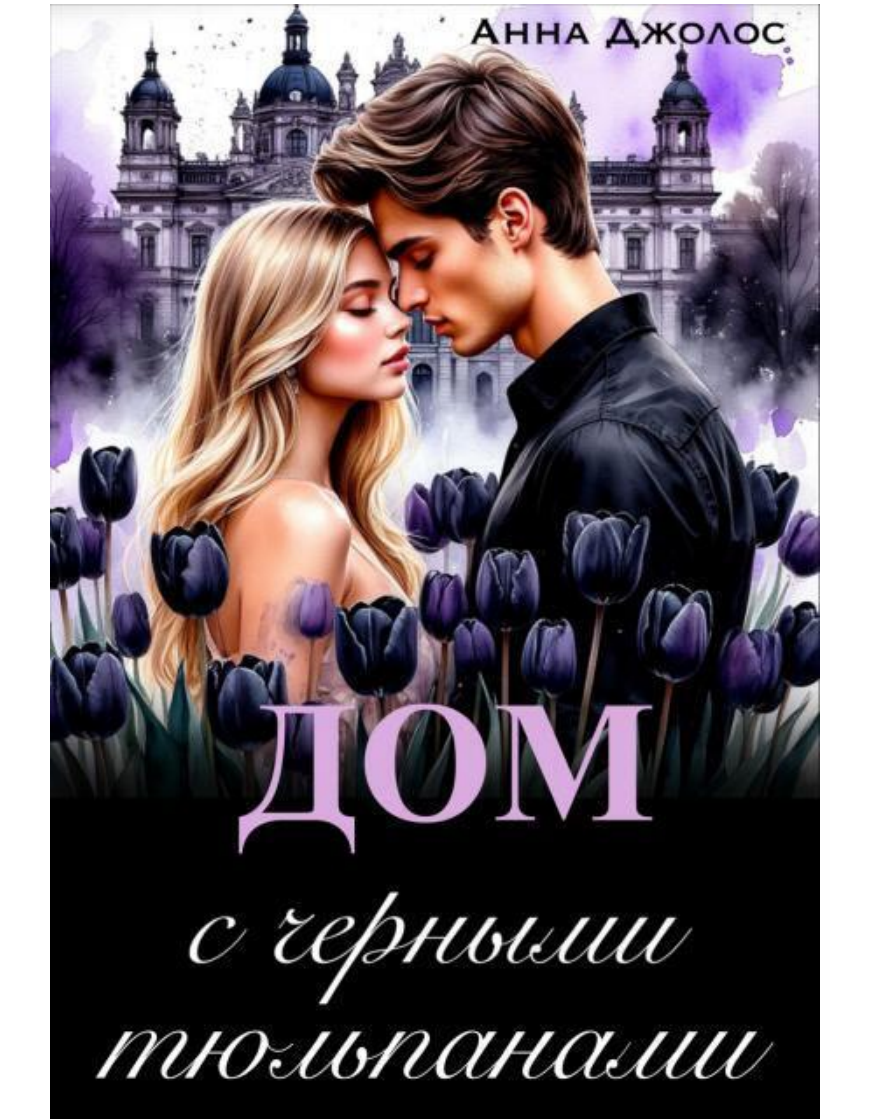

АННА ДЖОЛОС

The book cover features a romantic illustration of a young couple in a close embrace, nearly kissing. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a strapless dress. The man has short brown hair and is wearing a black button-down shirt. They are surrounded by a field of dark purple tulips. In the background, a large, ornate building with multiple domes and spires, resembling a cathedral or palace, is visible under a soft, purple-tinged sky. The overall mood is romantic and elegant.

ДОМ

*с герньими
тюльпанами*

Анна Джолос

Дом с черными тюльпанами

<https://litres.ru/74485119>

Аннотация

Шестнадцатилетняя Ася, волею судьбы оказавшаяся в детском доме, внезапно узнаёт о том, что в Москве у неё есть родственники.

Девочку забирают в столицу и жизнь кардинально меняется, ведь теперь Ася – не бедная сирота, а часть богатой и довольно известной семьи.

#семейные тайны #от ненависти до любви #сводные #главные герои не являются кровными родственниками

Независимая история Однотомник.

Содержание

Глава 1. Детский дом	4
Глава 2. Отъезд	14
Глава 3 Дом с чёрными тюльпанами	25
Глава 4 Семейный ужин	39
Глава 5 Одна из них	50
Глава 6 Преображение	65
Глава 7 Цитадель золотой молодёжи	78
Глава 8 Новенькая	91
Глава 9 Скандал	102
Глава 10 Лёд	115
Глава 11 Друг	128
Глава 12 Прятки в темноте	142
Глава 13 Жестокий розыгрыш	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Глава 1. Детский дом

– Эй? Ты здесь, мышь белобрысая?

Поднимаюсь на ноги и прислушиваюсь.

Вот чёрт! Решили вернуться. Не прошло и часа.

– Назаровааа... – нарочито нежно зовёт Наташка, растягивая мою фамилию. – Ты где? Аууу!

Сердце непроизвольно начинает биться быстрее.

– Она точно тут, – переговариваются между собой мои преследователи. – Больше прятаться негде. Везде уже посмотрели.

– Может, эта стукачка опять у директрисы в кабинете ошибается?

– Нет, к Салтычихе приехали какие-то люди на крутых тачках. Им со Швабриной не до Назаровой сейчас. Проверка опять, по ходу.

– Да тут Назарова, говорю вам!

– Доходяжная! – совсем рядом раздаётся голос Лены Прохоровой. – Иди сюда! Кыс-кыс!

По собственному желанию? Да ни за что! Ещё старые синяки на теле не зажили.

– Ну чё столбом встали? Проверяйте кабинки, – командует Катька.

– Тук-тук! Назарова, открывай!

– Мы знаем, что ты здесь.

– Задолбались уже искать тебя. Отзовись, зараза тощая!

– Быстро! Не то хуже будет, слышишь?

Судя по звуку, пинком ноги открывают двери. По очереди. Одну за другой.

– Нет её тут, – разочарованно объявляет Прохорова, не скрывая досады. – Все толчки пустые.

– И куда делась? Мелкие сказали, что точно видели её на этаже.

Закрываю глаза и качаю головой.

Вот ведь стукачи малолетние! Могли же промолчать.

Хотя навряд ли. Рослая, мощная верзила Катька почти наверняка припугнула их как следует. Громыко в этом деле профи. Не даром, возглавляет свою женскую «банду».

– Растворилась она по-вашему, что ли?

– Эй, гляньте-ка.

Подозрительно затихают. А значит ничего хорошего не жди.

Перестаю дышать.

Проходит секунда. Две. Пять.

Бах-бах-бах!!

Сильный удар по двери, ведущей в крошечную подсобку, в которой я нахожусь, вынуждает от неожиданности отпрянуть назад.

Врезаюсь спиной в шкаф и сверху на меня валятся пустые пластиковые вёдра разного калибра: от маленьких до больших.

Грохот стоит ужасный. Собственно, он и выдаёт меня с потрохами.

– Слышали?

– Она там! Там!

– Открывай, моль! – дёргают за ручку. Скребутся.

– Открывай, сказала! Хуже будет! – зло повторяет угрозу Катька.

Хлипкая щеколда, не выдержав обрушившегося на неё напора, сдаётся довольно быстро.

Дверь, резко распахнувшись, с глухим стуком ударяется о стену и я морщусь от яркого света, заливающего подсобку.

– Вот она! Коза! – громко сообщают шестёрки предводительнице.

Бросаю в них ведро. Сначала одно, потом второе.

– Ай!

Даже попадаю в кого-то.

– Где она? Сюда тащите!

– Отвалите! – дёргаюсь, когда хватают за руки и насильно тянут из подсобки.

– Нашлась, Кабаева недоделанная!

– Кабаева художественной гимнастикой занималась, – напоминаю.

– Чё ты там прошелестела? – сдвинув брови, грозно осведомляется Громыко.

– Я говорю, Алина Кабаева – гимнастка, а я фигуристка. Разница есть.

– Мне начхать!

– К стене встала! – грубо толкают в угол и обступают со всех сторон.

– Ой, не могу. Посмотрите на неё! Фигуристка, млин! – смеётся Ленка.

– Набор суповой!

– Ага! – кривится Катька, пренебрежительно меня разглядывая. – Доска гладильная! Что спереди, что сзади. Тебе точно шестнадцать?

В свете минувших событий я сильно похудела, но они перегибают. Фигура у меня имеется. Потому что с самого раннего детства спорт – неотъемлемая часть моей жизни.

– Моль бледнющая! Фу!

– Между прочим, бледность всегда считалась признаком аристократизма, – бросаю в шутку.

– Ни кожи, ни рожи!

Ну это они лукавят.

– Ты реально решила, что можешь понравиться нашим пацанам?

– Не сдались мне пацаны ваши, – отвечаю абсолютно честно.

– На Кирпича моего глаз положила, тварюка? – сощулив один глаз, осведомляется Катька.

– Кирпич-то знает, что он твой? – улыбаясь, вопросительно выгибаю бровь. – Мне кажется, он ни сном, ни духом.

– Ах ты падлюка! – зло цедит сквозь зубы, резко дёргая за

футболку на себя. – Ишь, нарисовалась, не сотрёшь! Да мы тебя порвём щас, как тузик грелку!

Первой рвётся по шву моя футболка.

– Не нужен мне твой Кирпич! Отстань! Рыжие вообще не в моём вкусе!

– Ага, как же! Заливай!

– Отпусти! – пытаюсь вырваться из её мёртвой хватки, но тщетно.

– Ходишь перед ним костями гремишь! Патлами своими трясёшь!

– Да на что он мне!

– Ничё. Кости-то мы переломаем тебе сейчас! Чтобы неповадно было к чужим парням подкатывать.

– И патлы подрихтуем. Стрижку модную организуем. Горшок, называется! – ехидно улыбается Прохорова, демонстрируя огромные ножницы, которыми она чикает в воздухе.

– Цвета добавим, – кивает Наташка. – Это сейчас модно, – показывает большой стеклянный флакон с зелёнкой.

– Вы чего, спятили? – мои глаза расширяются от ужаса. – Если ты про случившееся в столовой, он сам подошёл ко мне, Кать!

– Сам?! – фыркает она.

– Я не виновата в том, что Кирпич прохода мне не даёт с самого первого дня!

– Вот дрянь! – цокает Прохорова. – Наговаривает ещё на

Миху! Хватает наглости!

– А ну быстро сказала чё делала вчера в кабинете директрисы? Настучала про испорченные ролики?

– Это называется коньки. И нет. Я не стучала.

– Брешет как дышит!

– Конечно, брешет. Просто так Салтычиха нас не вызывала бы!

– Я не лгу. У меня анализ какой-то брали!

– Брехливая дрянь! Ну-ка, держите её. Я лично над образом поработаю, – заявляет поклонница Кирпича, открывая стекляшку с зелёной. – Значит порядок такой: сперва красив, потом стрижем.

– Не надо! Не трогайте меня, ненормальные! – активно сопротивляюсь.

– Держите крепче!

– Пустите!

Дёргаюсь. Из всех сил пытаюсь вырваться. Ору сиреной и зову на помощь.

В прошлый раз это, кстати, не помогло. Я уже поняла, в такие моменты все обитатели этого детского дома становятся глухими и слепыми, ведь никто не желает вмешиваться в чужие разборки, дабы не обзавестись собственными проблемами.

– Отвалите!

Каким-то чудом случайно удаётся освободить правую руку. Ею и выбиваю из пальцев Катьки проклятый флакон с

зелёнкой.

Она морщится. Потому что перед тем как флакон разбивается о плитку, разлетаясь на мелкие осколки, большая часть содержимого брызгает прямо ей в лицо.

Бах!

Звук бьющегося стекла.

Все на секунду замирают. Застывают обездвиженными статуями.

– Кать... – пищит Наташка.

– Сильно испачкалась? – облизывая губу, взволнованно спрашивает та у подруг.

– Сильно, – кивая, выпускает шумный выдох Лена.

– Тебе очень идёт, – не могу удержаться от комментария.

– Теперь твои прихвостни могут почтительно величать тебя Катя Фантомас!

Громыко, круто развернувшись, бросает взволнованный взгляд в мутное, замызганное зеркало.

В шоке распахнув глаза, пару секунд не моргает, а потом как завопит на всю ивановскую:

– Ах ты скотина!

Снова бросается ко мне, чтобы ударить.

Это больно и неприятно, но в принципе за прошедшие две недели стало уже делом привычным.

– Гррр! Убью! – грозно объявляет, вцепившись в мои волосы.

И звучит это весьма и весьма правдоподобно.

– А ну уgomонились! – эхом разносится по помещению громкий бас Зои Аркадьевны.

– Громыко, отпусти Назарову! – требует Елена Степановна. – Убери от неё руки! Немедленно!

Воспитатели с трудом оттаскивает от меня разъярённую, в конец взбесившуюся Катьку.

– Бестолковые! Кому сказано было вчера! Нельзя трогать новенькую!

– Да в честь чего нельзя-то?! Всех можно, а её нет?

– Вышли в коридор! Брысь отсюда! Пошли!

Пока одна сотрудница детдома выгоняет их из туалета, вторая с нездоровым беспокойством внимательно осматривает меня с ног до головы.

– Ты как, Назарова?

– Нормально, – распрямившись, пытаюсь перевести дыхание.

– Что с носом?

Осторожно щупаю.

Вижу, как на старую, потрескавшуюся плитку капают алые капли крови.

– Ну чего с ней? Цела? – возвращаясь, боязливо уточняет Аркадьевна.

– Местами, – неопределённо отзывается коллега.

– Ох ё! – подходит ближе. – Попадёт нам от Жанны.

– Вот вы где! – в дверях стремительно появляется Швабра, как называют заместителя директора её воспитанники.

– Тамара Васильевна...

— Вас двоих только за смертью посылать. Уважаемые люди столько времени ожидают! – переводит взгляд с подчинённых на меня и резко меняется в лице, побледнев до состояния белой бумаги. – А это ещё что такое?

Вид у меня, конечно, тот ещё!

Растрёпанная. Футболка порвана. Шорты грязные. Нос разбит. Губа тоже.

– Громыко, – коротко поясняет Елена Степановна.

– Ну что вы стоите? Быстро приводите её в порядок! Отмойте и оденьте поприличнее. Мы не можем доставить девочку в кабинет директора в таком виде! У вас десять минут! – исчезает за дверью также стремительно, как появилась.

– Иди сюда скорее, Аська, – Аркадьевна тянет меня за руку к раковине. – Ну-ка давай умойся как следует, – открывает кран.

– Зачем мне идти в кабинет директора? – напрягаюсь.

– Родственники твои объявились из столицы, Назарова, – поясняет второй воспитатель. – И не абы кто! Богатая, приличная семья.

– На всю страну известная, между прочим.

– Родственники? Из столицы? – нахмурившись, уточняю.

Странно. Мама всегда говорила, что родни у нас нет. Собственно по этой причине я сюда и попала.

– Как будто кино смотрю, ей богу! Кому расскажи – не поверят, – качает головой Зоя Аркадьевна.

– Ага, прям история для Пусть Говорят. Умывайся быстрее, девочка. Иначе рискуешь застрять в этом болоте и упустить свой единственный шанс на счастливую жизнь...

Глава 2. Отъезд

– Я не буду надевать чужое, – наотрез отказываюсь, когда мне приносят платье.

– Ася, некогда спорить, – устало вздыхает Елена Степановна, передавая мне расчёску. – Причешись-ка, девочка.

– Пусть они вернут мои вещи.

– Кто? – хмурится Аркадьевна.

– Громыко и её подруги. Всё украли в первый же день, я вам говорила.

– Ну, скажешь тоже, Назарова, украли! Взяли поносить...

– По-вашему, это так называется?

– Можно подумать, у тебя там наряды дизайнерские были.

– Не дизайнерские, но сшитые руками моей матери! Пусть вернут! – повторяю.

– Хорошо, мы разберёмся, – обещает Елена Степановна.

– Ну вот. Швабрина опять звонит, – достаёт из кармана телефон. – Время поджигает, Ася! Одевайся, пожалуйста.

– Не буду, – иду на противность. – Какая есть, такая есть. В конце-концов, не к президенту на встречу собираюсь.

– Ну как сказать, – нервно посмеиваясь, произносит Зоя Аркадьевна.

– Ася, я прошу тебя, переодень рваную футболку.

– Так пойду, – продолжаю стоять на своём.

– Нас ведь из-за тебя уволят, – лицо Елены Степановны

выражает крайнюю степень ужаса. – Давай условимся о сделке. Ты переоденешься, а я в свою очередь обещаю тебе: мы обязательно найдём твои вещи. Договорились?

Несколько секунд раздумываю над её словами.

– Не обманете? – сомневаюсь. Потому что никому здесь не доверяю.

– Обещаю тебе. Всё отыщем.

– Ладно.

Сдаюсь. Но только в память о маме.

– Вот и славно. Держи, – всучив мне платье, воспитатель вздыхает с явным облегчением. – Твой размер, между прочим, и цвет приятный.

– У кого забрали?

– Ну какая тебе разница, Назарова? Давай быстрее уже натягивай! – выходит из себя Зоя Аркадьевна.

– Получается, что вы точно также украли у кого-то вещь.

– За языком-то следи!

– Отвернитесь. Я стесняюсь.

– Ёлки-палки, ну какая невыносимая девчонка! – причитает Агафонова, закатывая глаза. – Твоё счастье, что тебя забирают отсюда. Будь уверена, жопа от ремня горела бы ежедневно.

– Зой, – многозначительно смотрит на неё коллега.

– Коза! – шипит та в ответ. – У тебя десять секунд.

Всё-таки выполняют мою просьбу. Отворачиваются, позволяя переодеться.

Снимаю с себя шорты и пострадавшую от рук Громыко футболку.

Надеваю белое платье в мелкий, нежно-розовый цветочек.

– Ну вот, совсем другое дело, – Елена Степановна остаётся довольна результатом.

Хмуро смотрю на своё отражение в зеркале.

– Ты очень красивая. Тебе идёт.

– Оно не моё, – цежу сквозь зубы.

– Считай, что это подарок от заведения, – бросает Аркадьевна сухо. – Лишь бы уже увезли тебя. Слишком много появилось с твоим приездом проблем.

– Не нужны мне никакие подарки.

– Вернёшь почтой, если переживаешь.

– Может рожу ей припудрить, Лен? Синяк вон какой огромный, на пол скулы!

– Некогда краситься. Нам уже давно пора идти.

– Шнеля, Назарова!

Меня буквально выталкивают в коридор.

Проходим по второму этажу, устланному красными советскими коврами. Спускаемся вниз по лестнице и поворачиваем направо в административное крыло.

– Ну-ка разошлись немедленно! – громко орёт Аркадьевна на воспитанников, оккупировавших весь первый этаж.

– Наконец-то! Уберите отсюда детей, – командует Швабра, показавшаяся из-за двери.

– Так! Все на улицу быстро!

Пока подоспевшие воспитатели разгоняют толпу, меня буквально затаскивают в кабинет директора.

– Вы не притронулись к кофе...

– Это не кофе, а дерьмо, милочка, – доносятся до меня обрывки разговора.

– Жанна Карловна, вот Назарова. Привели, – отчитывается Зоя Аркадьевна, настойчиво подталкивая меня вперёд.

Встаю столбом, ведь сразу три пары глаз обращены в мою сторону.

Директриса, расположившаяся у окна, нервно исследует острым взглядом мой внешний вид.

Швабрина, поджав губы, визуально оценивает старания воспитателей.

Кресло занимает эффектная, статная женщина, одетая в дорогой брючный костюм бежевого цвета.

Макияж. Украшения. Причёска. Всё идеально в ней до мелочей.

Удивительно, но я знаю, кто это. Передо мной (невозможно в это поверить!) Немцова Эмма Багратовна. Президент Федерации фигурного катания.

Рядом с ней на стуле сидит полный мужчина в очках. Перед ним разложены какие-то бумаги, которые он сосредоточенно читает.

– Назарова Ася, – Карловна, представляя меня, отмирает первой. – Шестнадцать лет. Поступила к нам из Тольятти сразу после смерти матери, поскольку родственников и же-

лающих её удочерить, не нашлось.

– Почему она такая худая? – подаёт голос Эмма Багратовна неловкую минуту спустя. – Освенцим. Кожа да кости, – её колючие глаза внимательно изучают моё тело. – Вы голодом её морили эти три недели?

– Ну что вы! Нет, конечно.

– Почему девчонка в синяках? – продолжая допрос, осведомляется Немцова ледяным тоном.

– Это всё активные игры, – спешит вставить свои пять копеек Зоя Аркадьевна. – В вышибалу играли накануне. Дети, сами понимаете. Двигаются, падают.

– У неё нос разбит, – констатирует Немцова сухо.

– Так это... Мячом в неё случайно попали, – разводит руками воспитатель.

– Я на идиотку похожа? – Эмма выгибает бровь.

– Нет.

– Пошла вон отсюда.

– Вы...

– Небылицы свои оставьте для кого-то другого, – не даёт ей и слова вставить.

– Я...

– Бога ради, идите уже, Зоя, – директриса нетерпеливо указывает на дверь.

– Эмма Багратовна, у меня всё готово, – представительный мужчина отрывает сосредоточенный взгляд от бумаг.

– Замечательно, Валентин Петрович. Подписываем всё и

немедленно уезжаем. Я потратила на этот гадюшник уйму драгоценного времени.

– Жанна Карловна, будьте так любезны, подойдите и распишитесь вот здесь.

– Что происходит? – решаюсь спросить.

– Забирают тебя, Назарова, – сообщает мне Швабрина.

Забирают. Значит это не шутка?

– Куда?

– В Москву.

– Вы сказали, что за мной приехали родственники...

– Так и есть, – кивает Тамара Васильевна. – Тест ДНК подтвердил твоё родство с Немцовыми. Эмма Багратовна приходится тебе бабушкой, – огорошивает меня следующей новостью.

– Что? – сглатываю ком, вставший в горле. – Бабушкой?

– Не смейте произносить это безобразное слово! – недовольно морщится гостья.

– Я всё сделала, – директриса отодвигает от себя бумаги.

– Это ещё не всё. Мой клиент настаивает на том, что вы и ваши сотрудники должны подписать документ о неразглашении. Разумеется, как было оговорено ранее, плата за молчание будет выражена в денежном эквиваленте, – юрист (как я уже догадалась) раскладывает перед ней на столе новые листы. – Напоминаю, что вы не имеете права контактировать с представителями СМИ и разглашать любую информацию, касающуюся девочки и семьи Немцовых.

– Но вдруг они заявятся сюда?

– Заявятся обязательно. Вопрос времени.

– И что же нам в этом случае делать?

– Срочно звонить по этому номеру нашему пиар-менеджеру, – мужчина отдаёт ей визитку. – Никакой самостоятельности, пожалуйста.

– На кону ваша должность, любезная, – поднимаясь с кресла, открыто угрожает Немцова.

– Я поняла.

– Прекрасно, – принимает сумку, которую любезно подаёт ей юрист.

– Только вот по поводу суммы. Нам с коллегой показалось, что она недостаточно...

Жадная Жанна замолкает, не закончив предложение.

Эмма Багратовна резко останавливается возле меня и, прищурившись, медленно поворачивается к директрисе.

– Я сейчас сделаю вид, что не слышала этого, наглая морда, – произносит голосом, в котором звенит сталь. – Ты вообще понимаешь, дура-дурная, что я тебя при желании вот за это, – касается длинными, тонкими, ледяными пальцами моего подбородка, – засужу и на нары отправлю. К отцу твоему поближе.

Жанна округляет глаза и резко бледнеет.

– Извините, я... – меняется в лице.

– Полагаю, мы друг друга услышали, – спокойно произносит Немцова в ответ. – Не приведи Господь, ты мне ка-

кие-нибудь неприятности организуешь.

– Этого не будет.

– Разумеется. Теперь о другом. Ваши оборванцы сейчас действительно без телефонов?

– Да. Мы выдаём их только в вечернее время.

– Если в сети появятся какие-то фотографии...

– Они не появятся, – спешит заверить Жанна.

– Очень надеюсь, что серого вещества хватит, чтобы не допустить подобного. Валентин...

– Почти всё, Эмма Багратовна. Ещё пара подписей от сотрудников и едем.

– Заканчивайте и забирайте девчонку, – она переводит взгляд на меня. – У машины тебя встретит водитель. Сядешь в неё незамедлительно и без лишних вопросов, – даёт наказ.

– Мне нужно забрать мои вещи.

– Никаких вещей из этой дыры в моём доме не будет! – заявляет женщина прежде, чем уйти.

– Но они дороги мне...

Хлопок двери даёт понять, что это ей абсолютно неинтересно.

– Аська!

К счастью, на пороге кабинета появляется Елена Степановна.

– Успела, – вытирает лоб, тяжело дыша. – Вот. Держи. Я собрала то, что лежало в твоей тумбочке, – передаёт мне мой потрёпанный рюкзак. – С Богом. Пусть у тебя всё будет хо-

рошо.

Порывисто и неожиданно для меня, заключает в свои объятия.

Не сопротивляюсь.

Ведь это, пожалуй, единственный человек, который неплохо относился ко мне здесь.

– Вещи мамы обязательно найду, как обещала.

– Спасибо.

– Елена Степановна, будьте любезны, подпишите согласие о неразглашении.

– Иду, – воспитатель отпускает меня и быстрым шагом направляется к столу.

– Вторую гражданку тоже пригласите. С остальными проведёте работу самостоятельно.

– Зоя! – Швабрина, выглянув в коридор, громко зовёт в кабинет Агафонову. – Подписывай давай.

– Ага.

Суэта вокруг прекращается, когда юрист Немцовых складывает подписанные бумаги в чёрный кожаный портфель.

– Вот мы и закончили. Всего вам доброго, дамы.

– И вам того же, – цедит директриса в ответ.

– Ася, вы готовы ехать? – спрашивает у меня Валентин Петрович.

Киваю.

Будто у меня есть выбор.

– После вас, – он по-джентльменски пропускает меня впе-

рѣд и дальше всё происходит будто в тумане.

Коридор.

Улица.

Дорожка, ведущая к воротам.

Любопытные и шокированные лица тех, с кем я так и не сумела подружиться.

«Уезжает Аська!»

«Её реально забирают, гляньте!»

«В Москву поедет, тварь»

«В Лилькином платье! Сучка!»

«Кто это с ней?»

«Чё за тачилы!»

«Мерсы последней модели!»

«Без номеров!»

Воспитанники детского дома, разинув рты, наблюдает за тем, как одетый с иголки водитель открывает мне дверь.

– Здравствуйте.

Мужчина никак не реагирует на моё приветствие. Просто молча ждёт, пока я заберусь в салон пустой дорогушей машины, после чего проходит к водительскому месту.

Выдыхаю, оказавшись в тишине.

Не перестаю нервно теревать подол платья, глядя в окно.

Не верится.

Всё это будто не наяву происходит, но вот машина плавно отъезжает от ворот, и позади остаётся детский дом, нахождение в котором стало для меня самым настоящим испытанием.

нием на выдержку...

Глава 3 Дом с чёрными тюльпанами

Водитель привозит меня в международный аэропорт имени Королёва, который находится неподалёку от Самары.

Прежде, чем я успеваю покинуть салон авто, в нём появляется юрист Немцовых.

– Ася, ряд формальностей, – достаёт из папки бумаги.

– Тоже согласие о не разглашении информации? – догадываюсь.

– Совершенно верно.

– Мне некому её разглашать, – пожимаю плечом.

– И тем не менее, вам необходимо подписать договор. Поймите правильно, Немцовы – семья непростая. Это известные, уважаемые люди.

– Тамара Васильевна сказала про тест ДНК... Значит это правда? Немцова Эмма Багратовна – моя родная бабушка?

– Всё верно, – кивает мужчина.

Ничего себе! Никак не получается принять эту мысль.

– Это не ошибка? – сомневаюсь.

– Современные технологии и передовое лабораторное оборудование позволяют исключить вероятность получения ошибочного результата.

– Она моя бабушка по линии матери или отца?

– Я бы не должен обсуждать это с вами.

– Я обещаю, что никому не расскажу о нашем разговоре.

Мужчина вздыхает.

– По линии отца.

– А он... Жив? – интересуюсь осторожно.

– Разумеется.

– Просто у меня нет отчества и мама не желала обсуждать эту тему.

– Не волнуйтесь. Скоро вы непременно познакомитесь и с ним, и с другими членами вашей семьи.

Начинает кашлять. Да так сильно, что не может остановить приступ.

– Извините. Последствия перенесённого вируса, – убирает платок от покрасневшего лица.

– Вот, возьмите, станет легче, – достаю из кармана рюкзака леденцы.

Накануне мне принесла их Елена Степановна.

– О, ну что вы! Не стоит беспокоиться.

– Берите-берите! У меня горло болело на днях. Мне помогло. Они хорошие, с мёдом и лимоном, – протягиваю руку.

Замешкавшись, мужчина всё-таки принимает блистер, достаёт оттуда один леденец и закидывает его в рот.

– Благодарю.

– Ну как? Полегче вам?

Кивает.

– Значительно. Я своё лекарство забыл на столе у вашего

директора.

– Возьмите весь блистер. У меня есть ещё один.

– Вы очень добры. Не откажусь, пожалуй, – убирает его в карман. – Не дай Господь, при госпоже Немцовой подобное случится.

– Что такого? Вы человек, не робот. Разве не можете заболеть?

– Болеть нельзя. Конкуренция нынче на крупных клиентов бешеная.

– Вы сказали, что я познакомлюсь с другими членами семьи. Означает ли это, что у меня есть братья или сёстры?

– Означает.

Мне становится радостно, когда я узнаю об этом.

– Спасибо, что ответили.

– Спасибо за леденцы.

– Где нужно поставить подпись?

– Вооот здесь, – указывает нужную графу и передаёт мне ручку.

– А прочитать то, что там написано, я могу?

– Сейчас у нас нет на это времени, но не переживайте, я обязательно выдам вам копию и вы внимательно с ней ознакомитесь.

– Хорошо.

– Суть в том, что согласно этому документу вы не можете разглашать какую-либо информацию, касающуюся Немцовых.

– Ясно.

– Помимо разбитого мобильного телефона, выданного администрацией учреждения, в котором вы пребывали, есть у вас при себе иные средства связи?

– Нет.

– Планшет, ноутбук, смарт-часы?

– Ничего нет.

– Замечательно.

– Здесь?

– Именно.

Ставлю свою подпись в двух местах на двух экземплярах.

– Благодарю вас, Ася, – убирает бумаги в портфель. – А теперь нам с вами пора пройти в самолёт. Эмма Багратовна итак сегодня не в настроении, не будем испытывать её терпение.

– Почему она не в настроении? Из-за меня?

– На то, полагаю, есть ряд причин, – отвечает он тактично.

Водитель открывает нам дверь, и мы покидаем салон автомобиля.

Возле него нас поджидают трое мужчин, одетых в строгие классические костюмы. У одного из них в правой руке рация, а у второго на поясе кобура.

– Это охрана, не о чем волноваться. Не пугайтесь, – успокаивает меня Валентин Петрович, когда нас с ним берут в плотный треугольник.

Собственно, так мы и идём до аэропорта, привлекая вни-

мание других пассажиров.

– А зачем охрана? – интересуюсь шёпотом.

Неужели Немцова так беспокоится обо мне? Если да, то это приятно.

– Вынужденная и обязательная мера, привыкайте.

– Кому я нужна?

– Журналистам или людям, желающим вас похитить.

Немцовым не нужны проблемы.

Вот оно что, а я-то себе уже нафантазировала.

– Скажите, пожалуйста, мой паспорт у вас?

– У меня.

– А во сколько у нас рейс? – еле поспеваю за ним.

– Как много вопросов, – улыбается уголком рта.

– Извините.

– Ничего, я понимаю вашу растерянность.

Проходим в здание и сразу после досмотра к нам подходит сотрудник аэропорта.

– Добрый день. Рада приветствовать. Меня зовут Евгения. Я провожу вас в самолёт. Следуйте за мной.

Нас ведут мимо длинных очередей, ожидающих регистрации.

– С вами всё в порядке, Ася?

– Это мой первый перелёт, – признаюсь Валентину Петровичу.

– О, тогда, полагаю, вам очень повезло. Далеко не каждый может похвастаться тем, что впервые летел куда-то на биз-

нес-джете.

– Что такое бизнес-джет?

– Самолёт, предназначенный для перевозки ограниченно-го круга лиц по любым маршрутам без официального расписа-ния.

– В смысле мы полетим не со всеми?

Я это начинаю понимать по тому, что нас проводят через отдельный VIP-зал.

– У Немцовых свой собственный самолёт, Ася.

– Ясно.

Я перевариваю эту новость весь оставшийся до джета путь. К слову, подвозит нас к нему автомобиль, а не один из курсирующих мимо автобусов.

Мы с Валентином Петровичем поднимаемся по трапу и всё это время я таращусь на самолёт, который прежде вот так близко и не видела даже.

– Здравствуйте.

При входе нас встречает улыбчивая, вежливая стюардес-са. Она, представившись, провожает нас в салон.

– Ваше место.

Усадив меня подальше от Эммы Багратовны, уже находя-щейся на борту, стюардесса забирает рюкзак и тут же начи-нает предлагать еду с напитками.

Я, пребывая в состоянии шока, от всего, разумеется, от-казываюсь.

Просто в предполётное время сижу и буквально с откры-

тым ртом разглядываю всю ту роскошь, в которой каким-то невероятным образом оказалась.

Уютный, стильный интерьер производит на меня неизгладимое впечатление. Пастельные тона, кожа, красное дерево. Комфортные кресла. Живые цветы и мультимедиа.

Словно в другую реальность попадаю. Будто это сон, не иначе.

Однако, когда нас приветствует капитан катящегося по взлётной полосе самолёта, понимаю, что нет, всё происходит на самом деле.

Чётко осознаю это в момент отрыва шасси от земли.

Дыхание перехватывает. Закладывает уши.

Сжимаю вспотевшими ладонями подлокотник.

Железная птица стремительно взмывает в небо.

Сперва хочу зажмуриться, но не делаю этого.

Неотрывно смотрю в иллюминатор и испытываю внутри нечто невероятное.

Страшно до жути, если честно, но вместе с тем внутри я ощущаю самый настоящий восторг.

– Закуски, – стюардесса выставляет передо мной на столик тарелки с мясной нарезкой, тарталетками и канапе. – Чай на выбор: зелёный и чёрный.

Желудок предательски урчит при виде всего этого, но за весь период полёта я так и не решаюсь к чему-то притронуться.

Шереметьево встречает дождём и прохладой.

В очередной машине я снова еду одна, ведь госпожа Немцова, как сказал Валентин Петрович, всегда передвигается отдельно, пользуясь своим личным лимузином.

Дикость, но мы с ней так и не поговорили. В самолёте после короткой беседы со своим юристом, она всё время была занята делами, бесконечно отвечая на какие-то звонки.

Ей было не до меня и это... Обидно. Потому что мне не терпелось задать родственнице многочисленные вопросы, роем пчёл жужжавшие в голове.

Да и вообще... Разве так должна была пройти первая встреча внучки и бабушки? Пусть даже они и не виделись долгие шестнадцать лет.

Неужели ей совсем неинтересно то, что касается моей жизни? Неужели не хочется познакомиться со мной? Расспросить о маме? Рассказать о моём отце. Я ведь совсем ничего о нём не знаю!

Вздыхнув, снова поднимаю взгляд и смотрю в окно.

Автомобиль притормаживает у КПП, но тут же двигается дальше.

Чуть раньше я видела указатель на Рублёво-Успенское шоссе и Барвиху, про которую когда-то давно слышала что-то по телевизору.

Оказывается, семья Немцовых проживает здесь. Хотя стоит ли этому удивляться? После новости о частном самолёте, наверное, нет.

Посмотреть на шикарные дома элитного посёлка не удаётся из-за повсеместно тянувшихся по всему периметру высоких заборов. Однако когда посреди соснового леса перед нами вдруг открываются ворота, я в очередной раз за сегодняшний день открываю рот.

Территория за ними просто огромная! Время уже вечернее, за окном сумерки, но благодаря интересно продуманному уличному освещению здесь светло как днём и мне удаётся разглядеть всё в деталях.

Вдоль дороги высажены одинаковые по размеру ёлочки. Слева располагается зелёная парковая зона. Вдали виднеются корты для тенниса и площадки для спортивных игр, но главное потрясение ожидает меня впереди. Потому что перед потрясающей красоты особняком я вижу фонтаны с водоёмами и целые поля тёмных тюльпанов. Усадьба Немцовых буквально со всех сторон утопает в этих цветах. Они повсюду! Их сотни. Хотя нет, тысячи!

В поле моего зрения попадает фигура Немцовой. Она, покинув салон впереди стоящего лимузина, идёт в сторону центрального входа.

Рядом с ней мужчина в костюме. Он держит зонт и её сумку. Позади шагает ещё один с чемоданом в руках.

У ступенек женщину встречает блондинка, одетая в яркий жёлтый брючный костюм. Она с ходу начинает о чём-то переговариваться с Эммой.

Дёргаюсь. Потому что водитель внезапно открывает мне

дверь.

Хорошо. Ладно. Иду.

Взволнованная и поражённая окружающей меня роскошью, выбираюсь на воздух.

Ого...

Не могу пройти и шага. Застыв на месте, запрокидываю голову назад и рассматриваю возвышающийся надо мной готический дворец.

Митька громко присвистнул бы, увидев всё это, а Ленка стала бы фоткать.

Скисаю, вспоминая о друзьях.

В прошлой жизни они у меня были.

– Здравствуйте, Ася, – передо мной невесть откуда появляется молодая девушка, одетая в чёрное платье и белый фартук.

– Здравствуйте.

– Меня зовут Альбина. Госпожа Немцова велела проводить вас в дом.

Госпожа Немцова.

Велела.

Прошлый век какой-то.

– Позвольте взять ваш багаж, юная гостья, – обращается ко мне мужчина, стоящий позади горничной.

– Не надо, спасибо, я сама, – вцепившись пальцами в ляжку драного рюкзака, отвечаю робко.

– Есть ли при вас чемоданы?

– Нет, у девушки нет с собой вещей, Вольдемар.

– Я понял.

– Ася, следуйте за мной.

Альбина уверенной походкой направляется к ступенькам и я, стараясь не отставать, спешу за ней.

– Сперва было сказано проводить вас в комнату для ван-ных процедур и смены одежды.

Она говорит что-то ещё, но... Стоит мне оказаться внутри здания, я теряю способность слышать голос моего сопровождающего. Потому что окружающее пространство попросту переключает всё внимание на меня.

Поместье ошеломляет абсолютно всем – размером, готическим декором и интерьером.

Здесь очень высокие потолки и заострённые вытянутые витражные окна. Сразу в глаза бросается преобладание чёрного цвета в сочетании с позолотой.

Мраморный холл пышет великолепием. Камень, дерево, металл. Античные колонны, антикварная резная мебель, вазоны с цветами, фрески, необычные картины в рамках на стенах, а посередине – широкая лестница с коваными перилами.

Тёмная аура. Величие. Пугающая роскошь. Экстравагантность.

Именно такие ассоциации возникают в моей голове.

– Нам сюда, – зовёт меня со второго пролёта горничная, когда я останавливаюсь рассмотреть гигантскую массивную

люстру, свисающую с потолка.

Поднимаюсь по ступенькам. Следую за девушкой по длинным коридорам, не переставая вертеть головой по сторонам.

– Ваша комната здесь, на третьем этаже, – сообщает Альбина, открывая самую дальнюю дверь. – Зайдёте? – вопросительно выгибает бровь.

– Да, – киваю.

– Прощу, – пропускает меня в комнату.

Хотя назвать комнатой представившееся взгляду помещение – абсурд. Передо мной самые настоящие хоромы. Какого-нибудь вампира.

– Справа от вас уборная. Ванная комната рядом. Воспользуйтесь ею, там всё готово. Слева на кровати одежда, в которую вам необходимо переодеться. Обувь там же, внизу. К сожалению, вынуждена сообщить о том, что у вас есть всего пятнадцать минут. Немцовы собираются за ужином ровно в девятнадцать ноль-ноль. Учтите, Эмма Багратовна не терпит опозданий.

– Ясно.

– Если понадобится моя помощь, я буду снаружи. Зовите.

– Что вы! Нет необходимости стоять там.

– Это моя работа, – произносит она, возвращаясь к двери.

– Советую вам поторопиться, – бросает через плечо.

Отмираю от шока, сковавшего моё тело.

Быстро иду в указанном направлении, но при встрече с

ванной комнатой, вновь получаю новую дозу потрясения.

Витражные окна из цветного стекла. Зеркала на потолке и стенах. Кованые подсвечники. Чёрный мрамор. Две раковины. Глубокая ванна на позолочённых ножках, стоящая прямо по центру. Батарея белоснежных полотенец. Баночки с гелями и кремами.

Вспомнив о временном лимите, быстро снимаю с себя одежду. По-армейски принимаю набранную ванну и смываю с себя ароматную пену, воспользовавшись лейкой для душа, разобраться с которой, увы, получается не сразу.

Ступаю босыми ногами на ледяной пол. Наспех вытираюсь мягким, пушистым полотенцем и возвращаюсь в спальню, закутавшись в любезно оставленный для меня халат.

Решаю, что не стану переодеваться в тот наряд, который лежит на кровати. Я пока не готова надеть на себя это. Да и как вообще могу? Не моё ведь.

«Впрочем и платье это не твоё!» – напоминаю себе. Но как известно, из двух зол мы склонны выбирать меньшее.

Натянув на влажное тело платье, ныряю босыми ногами в свои кеды и торопливо завязываю высокий хвост.

Бросаю придиричивый взгляд на своё печальное отражение в зеркале. Выгляжу я как побитая собачонка.

Ай, да и ладно. Чистая, умытая, – уже хорошо.

Усмехнувшись, качаю головой. Потому что ну совсем никак не сочетаюсь с интерьером.

– Готова.

Выбегаю в коридор.

Альбина тут же убирает телефон в карман передника и поднимает на меня глаза, которые тут же в ужасе округляет.

– Нет-нет, вы должны переодеться.

– Я не буду переодеваться, – категорически отказываюсь.

– Но так пойти нельзя.

– Почему? – искренне не понимаю.

– Ваш *наряд*, мягко говоря, несоответствующий. Это платье... Неуместно.

– Я в принципе неуместна в стенах этого дома.

– Ася, послушайте. У нас, – делая паузу, бросает взгляд на часы, – четыре минуты. Давайте вы вернётесь в комнату, переоденетесь и мы...

– Куда мне нужно подойти? Где ямогу найти Немцовых? – перебиваю её. Мягко, но уверенно.

– В обеденном зале, – произносит девушка нехотя.

– Отлично. Подскажете, как в этом дворце не заблудиться?

– Она очень разозлится.

Она – это, очевидно, Госпожа Немцова.

– И пусть. Её злость будет направлена на меня, не на вас.

Альбина, задержав взгляд на моих кедах, обречённо вздыхает и прикладывает ладонь ко рту.

– Меня точно уволят...

Глава 4 Семейный ужин

Горничной не удаётся переубедить меня.

Я остаюсь в той одежде, в которой приехала, и ей приходится просто-напросто смириться с этим. Потому что я непреклонна.

Мы спускаемся по лестнице на первый этаж. После чего она провожает меня в обеденный зал, по пути давая важные наставления.

– У каждого члена семьи за столом есть своё место. Поэтому лучше бы подождать, пока вам не скажут, куда можно сесть.

– Ясно.

– Во время трапезы не допускается пользоваться телефоном, часами и иными гаджетами. Это одно из правил.

– Есть и другие? Ну, помимо того, что нельзя опаздывать к началу.

– Есть. Нельзя жевать жвачку, сидеть с наушниками в ушах, заниматься посторонними вещами за столом. Нельзя перебивать госпожу Немцову, если она говорит. Нельзя при общении использовать в речи нецензурную брань. Нельзя вставать и уходить до того момента, пока она находится в зале. Нельзя требовать замены блюд, если вас что-то не устраивает. По воскресеньям меню согласовывается с Эммой Багратовной лично.

Мои брови ползут вверх.

– Нельзя появляться перед членами семьи в непотребном виде: обнажённым, в халате, пижаме и прочей неподходящей для трапезы одежде. Ваша, как я уже сказала, не подходит, – повторяет она подчёркнуто.

– Дышать-то можно? – уточняю, усмехнувшись, за что получаю в свою сторону сердитый взгляд.

– Можно, но негромко. Мы пришли, – сообщает, когда подходим к массивным дубовым дверям. – Вам туда, – распахнув их, пропускает меня вперёд.

– А вы разве не пойдёте со мной? – спрашиваю с надеждой, ощущая внезапно подступившее волнение.

– Увы, мне туда нельзя.

– Почему?

– Долго объяснять. Не задерживайтесь, идите. Время.

Киваю. Набираю воздух в лёгкие и решаюсь.

Медленно прохожу через арку и оказываюсь в обеденном зале.

Сразу же в глаза бросаются большие окна с красочными витражами и камин. В целом, всё в этом помещении выглядит также дорого и помпезно, как в предыдущих. Простор, керамогранит, высокие потолки, кованая люстра, подвешенная на цепях, тёмные кирпичные стены с тяжёлыми подсвечниками.

В центре комнаты стоит огромный стол из чёрного мрамора. По кругу симметрично расставлены массивные стулья

с высокими резными спинками.

И да, Немцовы уже на месте. Взгляды присутствующих в этом зале обращены ко мне.

Они молчат. Лишь один член семьи реагирует на меня мычанием – седовласый старик в инвалидном кресле.

– Здравствуйте, – произношу я довольно тихо. Однако звучит это совершенно иначе.

– Ты опоздала, – ледяным тоном сообщает Эмма, сидящая во главе стола.

– Вроде нет.

– Вроде? – она прищуривается и поджигает губы. – Сейчас минута восьмого, – цедит сквозь зубы. – Наручные часы выдайте ей после ужина, Вольдемар, – обращается к мужчине, стоящему у окна. – И что за вид? Объяснить соизволь.

– А что? По-моему, ей подходит. Самое то для оборванки, – подаёт голос русоволосая девушка с удлинённым каре, одетая в модную белую рубашку с пышными рукавами.

– Попридержи язык, Мирослава, – спокойно отражает этот выпад Немцова. – А ты, сядь, – обращается теперь уже ко мне, – но учти, ужина ты себя собственноручно лишила.

На негнущихся ногах направляюсь к столу и из вредности присаживаюсь не на тот стул, который для меня отодвигает Вольдемар, а на другой.

– Эй! Тут, если что, занято! – шипит Мирослава, наблюдая за моими действиями. – Трэш! Нет, я реально не верю в то, что она действительно здесь!

– Мои решения не обсуждаются.

– Ты её видела вообще? Позорище какое, – пренебрежительно кривит тонкий, чуть вздёрнутый кверху носик.

– Хватит, Мира, – тихо произносит мужчина, сидящий напротив.

На меня он почему-то не смотрит. Нервно теребит салфетку, зажатую в кулаке.

– Что о нас подумают люди? – никак не угомонится девчонка. – Зачем ты притащила сюда эту бродяжку?

Бродяжку?

– Дорогая, давай мы не будем так эмоционально реагировать. Эмма Багратовна руководствовалась здравым смыслом, у неё не было выбора, – вмешивается в разговор блондинка с идеально зализанным высоким хвостом.

– Мам, выбор есть всегда, разве нет?

Мать, как и дочь, одета в белое и обе они, стоит признать, выглядят как сошедшие со страниц журнала модели.

– Всё, довольно! Тебя слишком много сегодня, – произносит Немцова холодно. – Будь любезна, прими как данность. Это твоя сестра по отцу и она будет жить здесь. Во всяком случае, пока.

– Сестрой для меня эта убогая никогда и ни за что не станет! Вы вообще показали её врачам? Обработали от блох, вшей и прочего? Вдруг она заразу какую-то в дом принесла! – демонстративно от меня отодвигается.

Слышать подобное крайне неприятно. Прямо даже теря-

юсь, если честно.

– Советую помолчать, не то я отменю твою поездку в Париж, – грозит Эмма.

Мира фыркает, театрально закатывает глаза, но рот смиренно закрывает.

– По поводу врачей переживать не стоит. На завтрашнее утро запланировано посещение клиники.

– Так это утром, а она-то уже здесь! Дышит на нас своими микробами!

– Уймись, Мирослава. Согласно анализам крови и данным медицинской карты заболеваний у нашей гостьи не обнаружено. Всё это предварительно, конечно.

– Вы проверяли мою кровь и изучали карту?

Это... Как-то гадко.

– Не я лично, мои специалисты. А ты как думала, милочка? Я тебя в дом к себе привела. Итак, – Эмма стучит ребром ножа по бокалу. – Это Ася Назарова, дочь моего сына. Результаты ДНК сомнений не вызывают.

– Да тут и без ДНК всё понятно, – произносит странную фразу мать Миры.

– С языка сняла. Очень на мать похожа. Буквально одно лицо, – кивает женщина с короткой стрижкой.

– Верно, душечка, – соглашается с ней, как я понимаю, её муж.

– А ты что скажешь, братец? – она толкает локтем того мужчину с салфеткой, но он так и не поднимает головы.

– Эмма, я сегодня делала расклад и колода Ленорман показала мне ужасные вещи! — вступает в беседу пожилая старушка с химической завивкой на голове.

– Нина, давай не сейчас, — отмахивается от неё Немцова как от назойливой мухи. — Подавайте горячее, — командует прислуге. — Где твой сын, Ева? Десять минут восьмого!

Ответить мать Миры не успевает. Снаружи доносится жуткий грохот, громкие голоса и басы тяжёлой для восприятия музыки.

– Видимо, приехал, — сообщает блондинка, когда она наконец стихает.

– Не поедим мы сегодня нормально, да? — произносит кто-то из сидящих за столом, а в следующую секунду двери, распахнувшись, ударяются о стены и в обеденном зале появляется ещё один член семьи Немцовых...

Это парень.

Аристократичный мужественный профиль.

Высокий, темноволосый, широкоплечий.

Одет во всё чёрное. Идеально выглаженные брюки. Шёлковая рубашка в тон небрежно расстёгнута на груди.

Это то, что я подмечаю в первые секунды.

– Чё такие кислые? — интересуется голосом, от которого по телу бегут странные мурашки. — Гробовая тишина в склепе. Поминаете моё наследство? — смеётся.

– Одиннадцать минут восьмого, — цедит сквозь зубы сидящая во главе стола госпожа Немцова.

– Да ладно! Серьёзно? – он изображает удивление и смотрит на запястье. – Ну, косяк со мной, в смысле за мной. Со-
гласен. Видит Бог, торопился как мог.

– Где часы?

– Оставил где-то.

– Разбрасываешься семейными реликвиями?

– Да в тачке они, наверное. Не быкуй.

– Верни в сейф и, будь добр, следи за выражениями.

– Окей.

– Опять навеселе? – госпожа Немцова сверлит его глазами. – Сегодня что за повод?

– У Глеба завтра днюха. Я к нему свалю после вашего заседания.

– Не рано ли начали праздновать? Что за жуткий грохот мы только что слышали? – продолжает она беседу.

– Подрихтовал тебе балюстраду. Ты же вроде как соби-
лась менять её, да?

Эмма Багратовна недовольно поджимает губы, но остаётся при этом предельно спокойной.

– Ты опоздал и знаешь правила.

– Без ужина оставишь? – уточняет он, внаглую пожёвывая запрещёнку. – Я переживу, ба. Опыт-то богатый, – добавляет, подмигивая.

– И без ужина, и без средства передвижения останешься! – грозит Эмма, болезненно скривившись от произнесённого «ба».

– Хоть гольфкар свой одолжи. Или метлу, – смеётся.

– Пешком к другу своему дойдёшь.

– Подышу, полезно, – равнодушно пожимает плечом.

– Подышишь непременно. Ключи от машины Вольдемару отдай, – требует она незамедлительно.

– Да забирай. Лови, Воландеморт, – швыряет вышеупомянутые ключи через стол, и мужчина, резко дёрнувшись, едва поспевает выставить ладони вперёд, чтобы поймать их. – Из тебя вышел бы отличный принимающий, в курсе?

– Хватит паясничать, Марат!

– Нинель, классная причёска! – делает комплимент пожилой женщине с химзавивкой и та расплывается в улыбке.

– Я решила сменить имидж.

– Круто. Мэрилин нервно курит в сторонке.

– О, спасибо дорогой!

Парень вдруг замечает меня.

Мы встречаемся глазами. Мои – перестают моргать, потому что таких красивых людей прежде я никогда не встречала. Его – тут же принимаются излучать необоснованную ненависть.

Передо мной мой брат, верно?

Мы такие разные внешне! Совсем не похожи...

– Это *Она*? – спрашивает вечность спустя.

– Её зовут Ася.

– Плевать мне, как её зовут.

– Они сказали, что эта оборванка будет жить с нами!

– Пожалуй, Мирослава, ты сегодня тоже пропустишь вечерний приём пищи, – озвучивает очередное наказание хозяйка дома.

– Да и пожалуйста! – фыркает та в ответ. – Сама так хочу! Стройнее буду! – девчонка с громким, характерным стуком кладёт свои столовые приборы на тарелку.

– Что ж. Похвально, тебе действительно стоит похудеть, – поощряет услышанное Эмма. – Раздобрела так, что лёд вот-вот под тобой треснет.

Щёки Мирославы моментально покрываются яркими алыми пятнами.

– Ты упустила её, Ева, – Эмма переключается на мать. – Посмотри, в кого она превратилась? Корова!

– Вы гиперболизируете.

– Да неужели? Может, тебе стоит проверить зрение? Запишись к офтальмологу.

– Мы всё исправим.

– Уж будь любезна. Через шесть недель отборочные.

– Я помню.

– Твоя функция предельно проста, но даже с ней ты не в состоянии справиться.

– Мира будет в форме к этому времени.

– Надеюсь. В противном случае, мне придётся отправить её вместо Назаровой в ту дыру. Рабочий вариант, судя по девчонке. Скинет там всё, что нажрала.

– Отвалите уже от Миры! – зло бросает парень.

– Сядь уже, защитник, – повторяет Эмма.

– Куда, не подскажешь? – выплёвывает он сердито. – Ты эту моль безродную уже на моё место определила. Быстро.

– Твоё место? – громко переспрашивает Немцова, пока он внимательно изучает моё лицо. – Ты вынуждаешь напомнить тебе, Марат: ничего *твоего* в этом доме нет, – чеканит сухо.

– Эмма... Зачем же? При посторонних, – мать Мирославы хочет вмешаться, но Немцова не позволяет ей этого сделать.

– Я устала терпеть хамство твоего сына! – перебивая, стучит кулаком по столу. – Мало для него было сделано? Ни в чём с детства не видел отказа! Как к своему относились, хоть он и не наш!

На губах парня появляется усмешка.

– Что ты там ухмыляешься, ирод? Сколько сил и средств в тебя вложено? Это благодарность?

– Не всё бабками измеряется.

– Да что ты говоришь! – её черёд усмехнуться. – Всё! Всё от машины до клюшки и трусов куплено на МОИ деньги!

– Тачку ты отжала. Клюшка не твоя давно. Трусы отдать? – начинает расстёгивать ремень.

Собирается раздеваться. И это не шутка.

– Марат, прекрати, – его мать, вздыхая, прячет лицо в ладонях.

Что любопытно, все остальные члены семьи по-прежнему просто наблюдают за происходящим. Молча.

– Вон пошёл отсюда! – командует Эмма.

– Идеальный расклад.

– Убирайся с глаз долой! И сестру свою бездарную заberi.

Голова от вас раскалывается! Где мои таблетки?

Заплаканная Мира, состояние которой к этому моменту уже граничит с истерикой, резко вскакивает со стула и бросается к брату на шею.

– Не реви.

– Давай уйдём. Пожалуйста! – не просит. Умоляет.

На доли секунды Марат задерживает на мне острый, словно бритва взгляд. Затем берёт за руку сестру и уводит прочь из зала.

– Отлично, а мы наконец поужинаем.

– Прекрасная идея. Мясо стынет...

Глава 5 Одна из них

Лежу на огромной кровати с балдахином, ортопедическим матрасом и застеленным поверх него ледяным шёлковым бельём.

Смотрю в одну точку. Никак не могу уснуть.

Вспоминаю маму и тихо вою в подушку.

Если бы ты только знала, как сильно мне тебя не хватает!

Зачем ушла так рано?

Зачем оставила меня совсем одну?

Сжимаю пальцы в кулак.

Судорожно выдыхаю.

Я так обрадовалась тому, что у меня есть родственники, но, увы, с первых же минут стало предельно ясно: эти люди не желают видеть меня здесь. Более того, некоторые из них и вовсе люто ненавидят новоявленного члена семьи.

«Предупреждаю: останешься в моём доме – пожалеешь».

Именно эти слова, пропитанные ядом, прилетели в спину, когда я стремительно поднималась к «себе» по лестнице.

Да. Вы всё правильно поняли. Я нарушила правило. Просто встала и ушла прочь из обеденного зала. Потому что находиться там больше не могла.

Марат и Мира, в момент моего бегства сидели на ступеньках. Девчонка ревела, уткнувшись парню в грудь, а он пытался её успокоить.

Гладил по волосам, что-то говорил тихим, бархатным голосом, но резко замолчал, когда услышал мои шаги.

Они усталились на меня синхронно, однако я прекрасно понимала, что пережить сегодня ещё одну сцену унижения не в состоянии. Потому и прошла мимо, игнорируя уйму вопросов, накопившихся в голове, буквально разрывающейся от начавшейся мигрени.

Шаг за шагом преодолевала путь до комнаты.

Тогда-то Марат и озвучил свою угрозу.

«Предупреждаю: останешься в моём доме – пожалеешь».

Я замерла на крайней ступеньке, а потом, собравшись с духом, твёрдо произнесла: «Останусь, не сомневайтесь».

Меня хватило лишь на это, хотя впрочем, и этого было достаточно для того, чтобы Мирославу вновь прорвало на истерику.

Она кричала, посылала вслед проклятия.

Что там происходило дальше, не знаю. Я поспешила укрыться в отведённой мне келье и вот уже несколько часов подряд безвылазно нахожусь здесь. Один на один с адской головной болью.

Мысли беспорядочно кружат внутри. Будто стая воронов.

За что же они так ненавидят меня?

Почему обижают и позволяют оскорбления в мой адрес?

Присутствовал ли на ужине мой отец? И если да, то почему не представился и почему до сих пор не нашёл возможности поговорить со мной?

Зачем я здесь? Что имела ввиду мать Миры, когда говорила, что у Эммы не было выбора?

Обессиленная, измученная, уставшая и расстроенная, всё-таки проваливаюсь в сон, так и не отыскав ответов на эти вопросы.

Утро начинается внезапно.

– Подъём! – командным тоном громко произносит ранний визитёр, рывком распахнув плотные шторы.

– Вы кто? – растерянно моргая и щурясь от лучей яркого солнца, спросонья пытаюсь понять, что происходит.

– Твой проводник в новую жизнь, – отвечают мне с усмешкой. – Я Дина, личный помощник госпожи Немцовой.

И действительно. Я вдруг узнаю эту молодую женщину. Она встречала вчера Эмму у дома.

– Долго будем одуплять полученную информацию? – выгибает бровь идеальной формы.

– Я...

– Сегодняшний день ты проведёшь со мной. У нас грандиозные планы и мы уже почти отстаём от графика, поэтому давай, ноги, что называется, в руки и вперёд в ванную. У тебя три минуты.

Стою на месте, не шелохнувшись, и это явно озадачивает гостью.

– И?

– Почему она не пришла сама?

– Кто? – хмурится.

– Бабушка.

Дина смеётся.

– А ты, я смотрю, умеешь быстро вживаться в роль... Что ж. Полезный навык. Касаемо ответа на вопрос. Первое: у Эммы Багратовны слишком много дел. Прости, но скажу прямо: ей некогда тобой заниматься. У неё каждая минута расписана. Второе: не произноси больше в её адрес оскорбительное слово «бабушка».

– Что же в нём оскорбительного? – искренне не понимаю.

– И как же тогда, простите, к ней обращаются её внуки?

– По имени-отчеству.

– Серьёзно?

– Серьёзно. Не надо закатывать глаза. Одевайся и иди в ванную. Мы опаздываем, – бросает на кровать брюки и блузку.

– А где моё платье? – напрягаюсь, когда не нахожу его там, где оставляла.

– В мусорке, естественно. Эмма Багратовна велела в срочном порядке от него избавиться.

– Где-где?

Ушам своим не верю.

– Там, – раздражённо цокает языком Дина, пальцем задавая направление.

Бегу к декоративной корзине, стоящей справа от двери. Лезу туда.

Достаю платье. Точнее то, что от него осталось после встречи с ножницами.

– Зачем же вы это сделали? – растерянно смотрю на изрезанные лохмотья.

– Затем, что нельзя позорить уважаемую и известную семью. Теперь ты одна из них и должна выглядеть соответствующе.

– Вы безнадёжно испортили его!

До слёз расстраиваюсь.

– Так. Время на утренние процедуры вышло, – она бросает взгляд на часы. – У тебя минута, чтобы одеться.

Злость берёт.

Нельзя позорить уважаемую и известную семью.

Да что они о себе возомнили?

– Я не буду.

– Что значит не буду?

– То и значит, прямо так пойду! В белом халате! Вот это повод для заголовков, да? Журналисты решат, что Немцовы забрали меня прямиком из дурдома.

Ныряю в кеды и уверенно шагаю к двери.

– Рехнулась, Назарова? – слышу уже тогда, когда выхожу за пределы комнаты. – А ну вернись, дурочка!

– Вы сказали, мы опаздываем, – нараспев кричу.

– Стой!

Оглядываюсь.

Дина бежит за мной с вешалкой в руках и едва не растя-

гивается на лестнице, чудом удержавшись на своих высоченных каблуках.

– АСЯ! – кричит вдогонку, пока я стремительно пересекаю пустой холл. – Да подожди ты! Нельзя в таком виде!

Но я уже на улице.

Водитель, ожидающий нас возле дорогого чёрного авто, встречает меня открытой дверью и удивлённым взглядом.

– Спасибо, – запрыгиваю в салон.

– Что за финты, Назарова! – туда же разъярённой фурией врывается Дина. – Ты обалдела? Это что за поведение?

Молчу, уставившись в окно.

– Ты ведь почти что взрослый человек!

– Пока ещё не взрослый.

– Я тебе не нянька! – возмущается сердито. – Гоняться за тобой не собираюсь!

– Так и не гнались бы.

Она устало вздыхает.

– Поехали, Вань, – обращается к водителю и тот, кивнув ей в ответ, трогается с места.

Дине кто-то звонит и она принимается раздавать указания.

Я таращусь в окно.

Сейчас мы проезжаем мимо клумб с тюльпанами и я снова обращаю внимание на их необычный цвет.

Никогда таких тёмных не видела. Да ещё и в таком огромном количестве.

– Оптическая иллюзия, – произносит помощница Немцовой, завершившая свой короткий разговор по телефону.

– Что?

– Я про тюльпаны, – поясняет блондинка. – На самом деле они не чёрные, а темно-фиолетовые и бордовые. Этот уникальный сорт был получен в результате мутаций и селекции.

– Мне это неинтересно, – бросаю нарочито равнодушно.

Хмыкает.

– Всем интересно, а тебе нет?

– Я не все, – снова отворачиваюсь к окну.

По ту сторону уже мелькают высокие заборы, разделённые пышными рядами сосен.

– Если оценивать платье честно и обоснованно: оно откровенно ужасное. Качество, крой, расцветка. Дешёвая тряпка.

– Эта, как вы выразились, дешёвая тряпка была дорога девочке из детдома!

– У тебя будет целая гардеробная брендовых вещей! Нет повода расстраиваться!

– Оно принадлежало другому человеку! Я должна была вернуть его, ясно?

В салоне повисает пауза.

– Тебя нарядили в чужое платье?

– Мои вещи украли! То, что было на мне надето, не удовлетворяло администрацию!

– И тем не менее, там ты свой характер демонстрировать

не стала, – усмехнувшись, подчёркивает она язвительно.

– Не стала, представьте себе! Потому что взамен воспитатель пообещал отыскать мою украденную одежду. И пока вы не прошли по этому поводу танком модного приговора, сразу поясню: мне её шила мама. Мама, которой больше нет! – выпаливаю на одном дыхании.

Дина, подобно рыбе, выброшенной на берег, открывает и безмолвно закрывает рот.

Я впиваюсь в ладони коротко стриженными ногтями и отчаянно сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

Так и не проронив ни слова, помощница Немцовой носом опять утыкается в свой телефон и что-то напряжённо в нём печатает на протяжении всей поездки.

– Назарова... – заговорить со мной решается лишь энное количество минут спустя.

Не реагирую.

– Мы с тобой не с того начали.

– Да ну? – поджимаю губы.

– Ась, – вздыхает, – давай так: я найду похожее, обещаю! Точно такое же, – меняет формулировку, встречая мой недовольный взгляд, – и наш конфликт будет исчерпан. Договорились?

Молчу.

– Нужно прийти к компромиссу. Иначе как нам с тобой дальше диалог вести? – разводит руками.

– А если не найдёте? – прищуриваюсь.

– Я? Не найду чёртово платье? – смеётся. — Ты меня недооцениваешь! У меня за плечами богатый опыт! Я семь лет работаю на Немцовых и поверь, моя милая, нет в этом мире того, что я не могу достать!

Застёгиваю пуговицы на рубашке. Расправляю брюки и бросаю взгляд на окно.

Дина с Иваном стоят возле машины. Водитель что-то говорит ей. Она молча слушает, но её губы едва заметно улыбаются.

Открываю дверь и эти двое сразу как-то слишком резко дёргаются, увеличивая расстояние между друг другом.

– Ася, – Дина стремительно шагает ко мне, – переоделась?

– Как видите.

– Отлично. Очень симпатично, кстати. Идём.

В здание частной клиники попадаем прямо с парковки через служебную дверь, возле которой нас встречает женщина в медицинской форме.

– Дина, Ася, доброе утро, – вежливо здоровается. – Надевайте бахилы, пожалуйста, и следуйте за мной.

Выходим на этаж.

Холл абсолютно пуст.

Там горит свет, но на диванчиках нет ни единого человека.

– Держите. Здесь список кабинетов с обозначениями, – медсестра отдаёт листок помощнице Немцовой. – Сейчас

кровь сдадим и по порядку дальше пойдёте.

– Окей, – Дина сосредоточенно знакомится с информацией. – По времени укладываемся? У нас есть два часа. Максимум два с половиной.

– Укладываемся.

– Врачи на месте?

– Почти.

– Почему почти?

– ЛОР скоро будет.

Блондинка поднимает на неё недовольный взгляд.

– Он забирает жену из роддома.

– У не вас один ЛОР на клинику, – сухо замечает Дина.

– Второй отоларинголог в отпуске.

– Значит надо было вызвать его!

– Так в Тайланде он... – женщина разводит руками.

– Ясно.

– Нет повода для волнения. ЛОР у нас в конце списка.

Успеет.

– Не явится вовремя – у вас будут большие проблемы.

Женщина молча кивает.

– Где все? – тихо спрашиваю у помощницы Немцовой, когда заворачиваем за угол.

– Врачи здесь. Кто тебе ещё нужен? – удивляется она.

– Я про других пациентов.

– Их тут сейчас быть не может. Клинику открыли по нашей просьбе на два часа раньше.

– Что?

Я в шоке.

Правда переварить услышанное не успеваю.

– Нам сюда, – останавливаемся всей делегацией возле сто первого. – Здесь сдадим анализы.

– Я сдавала уже в детдоме.

– Это другое. Давай, идём, – активно подталкивает меня Дина.

– Здравствуйте, – перешагиваю порог кабинета.

– Доброе утро. Проходите.

В последующие пару часов в компании своего наставника курсирую по кабинетам и этажам.

Всё это похоже на знакомую мне спортивную диспансеризацию. Только масштаб куда глобальнее. Складывается ощущение, что меня готовят к полёту в космос, не меньше.

После сдачи крови посещаю терапевта. Там меня слушают при помощи стетоскопа. Измеряют давление и взвешивают.

Потом иду на рентген и дальше.

Инфекционист.

Хирург.

В кабинете офтальмолога при помощи аппаратов и таблицы с буквами мне проверяют зрение.

Дантист внимательно осматривает зубы и дёсны.

Невролог стучит молоточком по коленкам.

Психиатр задаёт странные вопросы и просит, закрыв глаза, дотронуться до носа.

Но всё это ладно. Куда неприятней процедура, которой я подвергаюсь у гастроэнтеролога, ведь мне приходится глотать трубку с микрокамерой, позволяющую выполнить диагностику ЖКТ.

– Ты в норме? – Дина обеспокоено на меня таращится.

– Это было ужасно, – вытираю салфетками лицо. Потому что во время гастроскопии у меня непроизвольно текли слёзы. И не только они.

– Идём, – похлопав по плечу, выводит меня из кабинета. – ЛОР подъехал.

Очень неуютно ощущаю себя на приёме у отолоринголога. Растрёпанный мужчина, часто дыша и наспех застёгивая халат, третий раз извиняется перед нами.

А мне дико-дико стыдно.

У него жену из роддома выписывают.

Зачем же из-за меня нужно было дёргать человека?

Это ведь просто бред. Кем Немцова себя мнит, когда творит подобное? Разве можно вот так распоряжаться чужой жизнью?

– Последний, – сообщает Дина. – Останется только кардиограмму сделать.

– Понятно.

Замираю перед табличкой.

На очереди женский врач.

– Не пойду.

– Ась, ну завязывай с капризами.

Дине приходится достаточно долго уговаривать меня перед тем, как я всё-таки решаюсь зайти туда.

– Присаживайтесь, – произносит пожилая дама в очках. – Ждите. Мне надо внести данные по одному из пациентов.

Дине, как назло, кто-то звонит и она задерживается в коридоре.

– Присаживайтесь, говорю! Что вы надо мной стоите?!

Бросив взгляд в сторону двери, опускаюсь на стул.

– Фамилия?

– Назарова.

– Жалобы есть?

– Нет.

– Беременности, выкидыши были?

– Это шутка? Мне шестнадцать!

Она поворачивается, отвлекаясь от заполнения формы на компьютере.

– И?

– Не рано по-вашему?

– Не рано. Мать зови, – переходит на ты. – В её присутствии говорить будем.

Издаются они сегодня, что ли?

– В её присутствии не получится.

– Зови давай.

– Я... – сглатываю тугой ком, вставший в горле. – Не могу её позвать.

– Одна пришла?

– Нет. То есть...

– Ты несовершеннолетняя. Мать нужна, – перебивает бесцеремонно. – Зови, – клацает мышкой.

– Не могу, сказала ведь! – повторяю раздражённо. – Она не придёт.

– Встать лень, что ли? Нас-то всех подняли с утра пораньше, – произносит недовольно.

– Из могилы не встают, – по слогам чеканю.

– Ясно, – подытоживает после короткой паузы. – Половую жизнь ведёшь? – продолжает унижительный допрос. – Если да, то какими средствами предохраняешься?

Перечисляет варианты и я краснею до корней волос.

– Чего молчишь как рыба? Осмотр проводим?

– Я туда не полезу, ясно? – наотрез отказываюсь, с ужасом поглядывая в сторону кресла.

– Как ноги раздвигать, так вы все не стесняетесь! – усмехнувшись, качает головой.

– Что вы себе позволяете? – возмущаюсь, вскочив со стула.

В этот же момент в кабинет заходит Дина. Мы с ней сталкиваемся.

– Что такое? – спрашивает, сразу заметив неладное.

– Этому человеку незнакомо понятие врачебной этики!

– Что случилось?

– Я ухожу!

– Ася!

Хлопаю дверью и быстрыми шагами направляюсь к выходу.

Достаточно с меня, пожалуй. Хватит.

Не знаю, где я конкретно нахожусь и как буду добираться назад, но здесь точно не останусь!

Спускаюсь по ступенькам. Запомнила маршрут.

– Пропустите. Я хочу уйти отсюда!

Наш водитель преграждает мне дорогу.

– Вас без Дины никуда отпускать не положено.

Глава 6 Преображение

– Поехали. Опаздываем в салон. Бардак у них тут! Надо менять клинику! Ну ты как, Ась? – по возвращении осведомляется Дина.

– Нормально.

Я успокоилась, посидев в машине, но неприятный осадок от произошедшего в кабинете гинеколога, конечно, остался.

– Не переживай. Я разнесла эту тётку в пух и прах.

Поднимаю на неё взгляд.

– Тарасова Антонина Степановна. Новенькая, как оказалось. Приняли её в срочном порядке, потому как предыдущий врач неожиданно уволился. Клиентов не знает. Всего три дня здесь работает. Четвёртого не будет, – добавляет уверенно.

– Что это значит?

– Это значит, что она потеряла работу, – выдаёт на полном серьёзе. – Я только что разговаривала с госпожой Немцовой. Она позвонила руководству клиники. Вопрос решён.

– Вы...

Мне приятно, что за меня заступились, но такой ценой...

– Шутите, Дина?

– Нет, – отражает невозмутимо. – Запомни: никто и ни при каких обстоятельствах не может так обращаться с Немцовыми.

– Но я...

– Ты теперь тоже часть семьи.

– Хочешь сказать, из-за меня уволят человека?

Она кивает.

– Очевидно, что да. Тарасова – недалёкая дура и поплатится за своё невежество и хамство.

– Даже не знаю, что говорить в таких случаях... Благодарность будет странно звучать, учитывая итог.

– А не надо ничего говорить. Просто прими как данность.

– Неужели они настолько влиятельные люди?

– Даже не представляешь насколько влиятельные и богатые.

– Разве все тренеры нашей страны живут в замках и летают на частных самолётах?

– Ну во-первых, госпожа Немцова – далеко не все, – делает ударение на последней фразе. – Она главный тренер сборной и президент Федерации фигурного катания.

– Это я знаю.

– А во-вторых, Эмма Багратовна жена бизнесмена–миллиардера. И этого уже достаточно для того, чтобы у тебя отпали все вопросы. Вань, вы помните о моей просьбе? – обращается к водителю.

– Да, Дина Андреевна. Вот как раз сейчас заезжать буду.

– Отлично. Ты умеешь хранить секреты, Ась? – подмигивает мне девушка, когда сворачиваем куда-то с главной дороги.

– Чужие секреты мне ни к чему.

– Это будет наш общий. Потому что мне знатно влетит, если ты меня сдашь. Держите, – передаёт Ивану свой телефон и карту.

Он пару минут спустя притормаживает у колонки и озвучивает оператору её пожелания.

– Очень давно хочу съесть что-нибудь запретное. Ты не против, если мы позавтракаем в машине по дороге, а не в ресторане? – Дина складывает ладони вместе, изображая знак мольбы.

– Ешьте где угодно, – пожимаю плечом.

– Что значит «ешьте»? Тебя тоже велено накормить как следует, ведь насколько мне известно, ты пропустила вчера ужин.

Не вопрос. Утверждение.

– Как вообще можно есть в такой обстановке? – вырывается у меня вслух и Дина смеётся.

– Ты привыкнешь.

– Вряд ли.

– Спорим, да?

– Очень в этом сомневаюсь.

– А я нет.

– Ваш заказ, – водитель передаёт девушке пакеты.

– Ура-ура! Ты, то есть вы, – исправляется быстро, – про себя не забыли, надеюсь?

– Не забыл, Дина Андреевна. Не беспокойтесь, – улыба-

ется парень.

– А я и не беспокоюсь вовсе, – встрепенувшись, резко меняет тон она. – Всего лишь дань вежливости. Ясно?

– Ясно.

– Ну что, Ась, устроим тайный гастрономический разврат? – возвращается ко мне и принимается раскладывать еду на откинутый между нами столик. – У нас есть молочные коктейли, фри, картофель по-деревенски, наггетсы, креветки в темпуре, цезарь-ролл и бургеры. Не знала, что конкретно ты любишь.

– Фастфудом моё расположение «купить» хотите? – вырывается непроизвольно.

– Нет, – отвечает блондинка, не задумываясь. – Просто голодная как волк и подумала, что ты не станешь привередничать.

– Я вовсе не привередничаю.

– Ну да ну да, – цепляет картофелину и, закинув её в рот, довольно мычит. – Жаль, что я могу позволить себе это крайне редко, – вздыхает с сожалением.

– Почему?

– Боюсь растолстеть. Ежедневно столько усилий прикладываю для того, чтобы привести себя в форму.

– У вас прекрасно всё с формами, Дина Андреевна, – подаёт голос водитель и щёки блондинки розовеют.

– Скажите, пожалуйста, Иван, – она прочищает горло, – вы забыли правило номер три? – чеканит по слогам.

– Нет, я всё помню.

– Вот и прекрасно. Будьте любезны, следите за дорогой. Молча, – наказывает сердито.

– Как скажете.

– Супер. Если не хочешь фастфуд, Ась, то мы всё-таки завезём тебя в ресторан, – продолжает вести диалог со мной. – Перенесу салон на час. И плевать, что с десятков человек будут сидеть и ждать нас, да? – умело манипулирует.

Останавливаемся перед светофором и мой желудок предательски громко урчит, таким образом реагируя на запахи.

– Скажи, а ты когда вообще ела последний раз? – напрягается Дина.

– Позавчера, кажется, – призадумавшись, отвечаю.

С этим в детском доме были проблемы. Мне не хотелось лишний раз попадаться своим обидчикам на глаза.

– Кажется? Жуть! Ну-ка быстро кушай! – командует строго. – Нам сегодня нужно многое успеть. Ты должна твёрдо стоять на ногах, а не в обморок падать.

– Я не падаю.

– Вот-вот свалишься. Угощайся, мне одной ни за что столько не одолеть.

Я не хотела поддаваться на уговоры, но голод и здравый смысл, вступая в сговор, побеждают.

Выбор падает на цезарь-ролл с курицей.

– Молодец, – одобряет Дина.

Едим в тишине какое-то время, а потом я решаюсь.

– Вы... Не могли бы рассказать мне чуть больше о Немцовых. В смысле я, сидя за столом, так до конца и не поняла, кто есть кто.

– Секундочку, – она вытирает пальцы о салфетку. – У меня для тебя есть это, – забирает сумку с соседнего сиденья и достаёт оттуда коробочку с известным логотипом. – Держи. Теперь у тебя есть телефон. Распаковывай.

– Я... Не могу его взять.

– Почему? – хмурится.

– Он стоит целое состояние.

– Ася, привыкай к тому, что тебя будут окружать дорогие вещи, – сама открывает коробку, достаёт оттуда яблочный гаджет и включает его. – Сейчас я отправлю тебе файлы, с которыми ты ознакомишься, пока будут работать стилисты, – вкладывает мне его в руки.

– Стилисты? – моя очередь хмурится.

– Да. Мы будем подбирать тебе гардероб, но начнём не с этого. Начнём с преображения, – её глаза загораются предвкушением. – Ты готова?

– Нет.

Смеётся.

– Зато честно.

– Стричь и перекрашивать волосы я не стану, – наотрез отказываюсь.

Дина ухмыляется, обхватив губами коктейльную трубочку.

– Серьёзно. Если вы задумали что-то подобное, то я с места не сдвинусь! – предупреждаю.

– Знаешь, – Дина внимательно на меня смотрит, чуть склонив голову влево, – у некоторых членов семьи Немцовых были сомнения относительно вашего родства... Так вот, у меня никаких сомнений нет. Ты точно Немцова!

В салоне я чувствую себя неудобно.

Мама всегда занималась собой сама. Да и мне причёски-макияжи перед соревнованиями мы тоже делали сами.

Становится дико не по себе, оттого что сейчас мной занимается целый отряд специалистов по красоте.

Один колдует над волосами, второй работает с педикюром, третий накладывает маску на лицо, четвёртый мучает мои брови.

Они то по очереди ко мне подходят, то со всех сторон обступают.

Особенный дискомфорт испытываю перед визажистом. Милая, улыбчивая девушка не задаёт вопросов, молча выполняя свою работу, но я точно знаю, что мои синяки и ссадины станут поводом для обсуждения после того, как мы покинем это заведение...

Долго сидеть в кресле тяжело, хоть и приятно. Клипы быстро надоедают, журналы мне неинтересны, брать к чаю конфеты из вазы я попросту стесняюсь.

А очень хочется. Давно я сладкого не ела.

– Закончила.

Смотреть в зеркало мне запретили, поэтому когда бровист, вдоволь поиздевавшись над моими несчастными, прежде нетронутыми бровями, удаляется, решаю не терять времени зря и ознакомиться с теми файлами, которые прислала мне Дина.

Это краткое досье на каждого члена семьи. С фотографиями.

Начинается всё с хозяйки дома, конечно.

Немцова Эмма Багратовна. Советская фигуристка. Заслуженный мастер спорта СССР. Заслуженный тренер. Российский государственный и общественный деятель.

Награждена медалью «Герой труда» и несколькими орденами «За заслуги перед Отечеством». Имеет почётный знак «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» – за выдающийся вклад в повышение авторитета российского спорта на международной арене.

Там много всего. От почётной грамоты Президента до звания Лауреата Национальной премии общественного признания достижений женщин «Олимпия».

Если вкратце, всю свою жизнь Эмма посвятила фигурному катанию. Сперва каталась сама: трижды становилась лучшей на чемпионате СССР, дважды брала этот титул в Европе и один раз на чемпионате мира, но в восемьдесят первом году получила серьёзную травму и неожиданно для всех завершила карьеру.

После продолжительной паузы начала тренерскую деятельность и вот уже на протяжении многих лет её ученики приносят нашей стране победы на различных международных соревнованиях.

Тренируются они, между прочим, в Ледовом Дворце имени Немцовой, который отстроил Эмме её муж.

К слову, про личную жизнь. Эмма трижды была замужем. Собственно, третьим мужем и стал известный, состоятельный бизнесмен Лев Немцов.

На снимке рядом с ней стоит крупный, темноволосый мужчина с суровым взглядом и я вдруг понимаю: он – тот старик в инвалидном кресле.

Сейчас этот человек мало похож на себя прежнего.

Лев перенёс два инсульта.

Теперь крупной золотодобывающей компанией руководит его сын Сергей.

Получается, мой отец?

Удивительно, но им оказывается тот хмурый, молчаливый мужчина, который так и не поднял на меня взгляд за ужином.

У Сергея Львовича в биографии указан один единственный брак, с моделью Евой Титовой. Сейчас Ева является директором сети Спа-салонов «Eva beauty».

Нынешняя жена моего отца увлекается йогой, коллекционированием брендовых сумок и ретритами. Четыре раза в год летает на Мальдивы.

У пары двое детей: Марат и Мирослава. Разница в воз-

расте четыре года. Марату за неделю до моего появления в доме исполнилось восемнадцать. Мире на данный момент четырнадцать.

Про мою маму там ничего и близко нет.

Вскользь просматриваю информацию по ближайшим родственникам.

У отца есть сестра, Вита. Виолетта – та, острая на язык дама с короткой стрижкой. В профайле указано, что она, как и мать, тренер, а вот муж её, Вениамин Фролов – художник и поэт.

Что до Нины (речь о старушке, пытавшейся рассказать про расклад Таро) – это родная сестра Эммы, которую последняя забрала к себе из Болгарии.

Теперь всё относительно ясно.

Добираюсь до Мирославы.

Учится в школе. Тренируется в центре Немцовой. На первенстве страны в позапрошлом году была третьей и пока это её лучший результат.

Увлечения: вокал, моделинг, блоггинг. Любит путешествовать.

Перелистываю дальше.

Марат.

Почему-то сердцебиение резко учащается, когда я начинаю читать о нём.

С раннего детства увлечён хоккеем.

Успешная юношеская спортивная карьера.

Капитан команды.

Несколько лет жил и тренировался в Канаде, обучаясь в частной школе.

Три последних года живёт в России. Выпускается в этом году.

Знает три языка.

Блестяще играет в шахматы.

Умеет водить машину и мотоцикл.

Умеет... Стрелять?

– Омар, помнишь, мы как-то подстригли Маратика под Эминема? – раздаётся над левым ухом и я понимаю, что кое-кто поймал меня на том, что я слишком долго разглядываю внука Немцовой.

Смутившись, выключаю экран.

– Такое сложно забыть, Сабиночка, – отвечает коллеге парикмахер. – Там же у нас обесцвечивание было помимо короткого ёжика.

– Не напоминайте про этот ужас, – подключается к беседе Дина, клацающая ногтями по планшету.

Омар смеётся.

– Ему было четырнадцать, Ась, – зачем-то объясняет мне блондинка. – Приехал домой на лето. И это надо было видеть. Дранные хулиганские штаны, висящие на жопе, безразмерная футболка с черепами, снэпбэк, кроссы-тракторы, цепи до живота. Я думала, Эмму Багратовну Кондратий хва-

тит.

- Подростки... Всё хотят перепробовать.
- Иногда лучше не надо, – возражает Дина.
- Да брось, ему даже шло, – спорит с ней Сабина. – Марат у нас в любом виде красавчик.
- Бесспорно. У него идеальные черты.
- Подлецу всё к лицу, – кивает мужчина.
- Ну нет, – не соглашается помощница Немцовой. – Слава Богу, что это дурацкое увлечение рэпом прошло так же быстро, как началось. И слава ему же, что с тех пор мы видим привычного нам Марата.
- Зато Мира эстафету переняла, – говорит визажист, порхая кистью по моим скулам.
- Ещё раз вы сделаете ей розовые пряди – вылетите с работы, – сообщает Дина, продолжая печатать.
- Мы думали, это согласовано.
- Разумеется, это не было согласовано. Девчонка солгала, – цедит сквозь зубы. – Возвращаясь к нашему разговору, вы ни за что не переубедите меня: в большинстве случаев кардинальные перемены заканчиваются неудачными экспериментами. Природа даёт человеку лучшую из комбинаций. То, что гармонично и выигрышно смотрится.
- Мы ни в коем случае не будем переубеждать тебя, Диночка. Скорее даже наоборот. Наша Асенька тому пример. Мы просто подчеркнули её природную красоту.
- Готово?

– Да, можете принимать результаты работы.

Краем глаза замечаю, что на часах уже шесть.

Они пол дня на моё преобразование потратили!

– Готова себя увидеть? – Дина, в секунды оказавшаяся рядом, смотрит на меня и широко улыбается.

– Не знаю, – отвечаю честно, ощущая резко подступившее волнение.

Блондинка медленно разворачивает меня к зеркалу, а вся команда замирает в ожидании того, что я скажу.

Поднимаю взгляд. Смотрю на своё отражение и поверить не могу в то, что это действительно я...

Глава 7 Цитадель золотой молодёжи

Чудесное преображение на салоне красоты не заканчивается.

Рано утром в моей комнате снова появляется Дина, но на этот раз не одна.

Вместе с ней приезжает команда стилистов: молодой, курчавый, нерусский на вид мужчина и две девушки, что-то бурно с ним обсуждающие.

Растерянно хлопаю ресницами, глядя на эту делегацию и длинную передвижную вешалку с вещами.

Молодой мужчина останавливается напротив, широко улыбается, показывая идеально ровные белоснежные зубы, и произносит что-то совершенно для меня непонятное.

Разве что слово «синьорина» улавливаю.

– Энцо, не надо пугать девочку. Ася не знает итальянский, – Дина падает в кресло и блаженно вздыхает, вытягивая ноги вперёд. – Он сказал, что ты – чистый восторг. Куколка, – переводит его слова и я чувствую, как к щекам приливает кровь.

– Елена, – помощник стилиста.

– Кэт, – визажист, – представляются девушки.

– Наша милая Асия, – обращается ко мне итальянец, це-

луя руку, – мы для вас кое-что подготовить. Будьте любезны. Взгляните?

Он начинает показывать вещи.

Элегантные блузки и рубашки.

Кашемировые свитера.

Тренчи.

Костюмы. Пиджаки. Юбки карандаши.

Брюки с высокой талией: прямые, палаццо, клёш.

Стильные платья простого кроя.

Из обуви, слава Богам, лоферы и туфли-лодочки на невысоком каблуке.

– Классика вне времени.

– Сдержанная элегантность.

– Это не кричащая роскошь, это есть утончённый шик, муа! – любитесь подобранным образом Энцо.

– Немцовы придерживаются стиля «Old money» и ты тоже должна.

– Старые деньги? – перевожу с сомнением.

Английский у меня хромает на обе ноги.

– Эстетика old money сформировалась в Европе в конце девятнадцатого-начале двадцатого века. Такой подход к моде родился в кругах старой аристократии, где богатство передавалось из поколения в поколение. Отсюда и название, – поясняет Елена. – Представители высшего класса задавали моду и этикет, демонстрируя утончённость и традиции. Пристальное внимание СМИ было обращено именно к ним,

– показывает мне на планшете фотографии.

– Это очень красиво.

Мне правда нравится.

– Основные принципы данного стиля: элегантность, качество и сдержанность. Базовые цвета – нейтральные: белый, бежевый, коричневый, черный, серый. Для чувственно-романтических образов допускается акварельная палитра: нежно-розовый, бирюзовый, голубой.

– Давайте скорее примерка, синьорина! Я столько луков собрать за ограниченный время!

Последующие два часа я без конца что-то надеваю и снимаю, курсируя между гардеробной и спальней.

Энцо и Елена подбирают аксессуары и объясняют мне что с чем сочетать.

Дают советы и озвучивают самые частые ошибки, которые совершают женщины.

Пока визажист делает мне макияж, стилисты шутят, спорят между собой и постоянно генерируют какие-то новые идеи.

А ещё очаровательный Энцо постоянно выдаёт комплименты на итальянском и я жутко смущаюсь, когда Дина, не отрываясь от своего вездесущего планшета, их переводит.

«Sei perfetta proprio così come sei»

Ты идеальна такая, какая есть.

«Sei affascinante!»

Ты очаровательна!

«Hai una bella figura!»

Какая потрясающая фигура!

«Non ho mai incontrato una ragazza dolce come te»

Никогда не встречал такой нежной девушки как ты.

«Sei affascinante!»

Ты обаятельна!

«È il tuo colore»

«Это твой цвет»

«Sei fantastica!»

Смотрится фантастически!

«Sei incredibilmente bella!»

Ты невероятно красива!

«Hai un aspetto molto seducente»

Выглядишь очень соблазнительно.

– Ох, боюсь, устанет отбиваться от поклонников, – хмурится Дина, разглядывая финальный наряд.

– Слишком короткая юбка? – поправляю стильный галстук на рубашке.

Клетчатая солнце-клёш сидит на мне отлично, но признаться, я никогда не носила такую длину в повседневной жизни. Только на льду.

– Такие ноги прятать – самый настоящий грех. И нет, она не короткая, – уверяет Елена. – Это стандартная форма гимназии. Просто мы добавили кое-что от себя.

– Гимназии?

– Да. Мы с тобой едем туда прямо сейчас, – огорошивает

Дина. – Энцо, девочки, спасибо, – отправляет им воздушный поцелуй. – Идём, Ась. Опаздываем!

К этому я совершенно не была готова.

– Ciao, bella! – Энцо снова целует мне руку и обворожительно улыбается.

– Спасибо за всё, – искренне благодарю всю команду. – До свидания!

– С тобой было приятно работать.

– До встречи, Ася.

– Ещё увидимся!

Мы с Диной оставляем их в спальне, а сами спускаемся вниз.

– Встреча с директором назначена на двенадцать, – разъясняет она по дороге. – Побеседуем, осмотришься. Посидишь со своим классом на двух последних уроках. Познакомишься с представителями золотой молодёжи.

– Это обязательно?

– Обязательно. Тебе ведь учиться с ними.

Вздыхаю.

– К чему нужно быть готовой?

– Ну... Совершенно точно к повышенной порции мужского внимания и женской зависти, – отвечает она, усмехнувшись.

– Оу, надо же!

Уже у выхода почти нос к носу сталкиваемся с сестрой моей бабушки. (Да простят мне это слово!)

– Здравствуйте, – здороваюсь я с ней.

– Отличная работа, Диночка, – она внимательно и с интересом меня разглядывает. – Положа руку на сердце, я девочку и не признала сразу.

– Доброе утро, как ваше здоровье, Нина Багратовна?

– Давление шалит, в остальном всё в порядке, милочка.

Танцы, пожалуй, пропускать не стану.

– И правильно! Если есть желание и силы – стоит пойти.

– Разумеется. Партнёр ведь ждать будет. Он только со мной танцует! – кокетливо поправляет волосы. Сегодня они рыжие.

– Была рада вас видеть, но прошу извинить нас, мы очень торопимся.

– Ступайте, конечно, – пропускает вперёд. – Надо же, как на мать похожа...

Это слышу уже вслед.

– Здравствуйте, Иван.

Водителю тоже не удаётся скрыть удивление.

– Чего уставился на неё? – с ходу наезжает на него Дина.

– Я...

– За руль иди. Опаздываем! – каркает недовольно. – А ты, запомни на будущее, Ась: касаясь персонала, Немцовы не здороваются, не благодарят и не извиняются. Это понятно?

– Да.

Садимся в машину.

– Ась, ты помнишь, что подписала договор о неразглаше-

нии информации, касаемой Немцовых? – интересуется Дина строгим тоном.

– Помню.

– Ни с кем ничего не обсуждай.

– Я и не собиралась.

– Вопросы, естественно, будут, но на них мы заготовили ответы. Слушай и запоминай.

– Ладно.

– Значит так. Ты – дочь Виолетты Немцовой.

– Что?

– Вита родила тебя от своего партнёра по фигурному катанию, Алексея Пронина. К детям на тот момент ни она, ни он не были готовы. Поэтому сразу после рождения Виолетта отдала тебя своей подруге, швее Ксении Назаровой.

– Но ведь это ложь!

– Это называется ложь во благо. Твоё появление в доме Немцовых само по себе пятно на репутации семьи. Добавь к этому грязную историю измены – и будет кошмар. Легенда поможет сгладить острые углы. Если мы представим тебя общественности как дочь Виолетты, громкого резонанса не будет.

Молчу какое-то время.

– Ась...

– Я хочу знать, как всё было на самом деле. Мне это важно.

– Не от меня ты должна это услышать.

– А от кого? Никто, кроме тебя, со мной не общается.

Дина вздыхает.

– У Сергея Львовича был роман с твоей мамой. К тому моменту он уже был женат на Еве.

Теперь понятно почему все жители дома негативно настроены по отношению ко мне.

– Он бросил мою маму, да?

– Семья настояла. Опасались скандала.

Усмехнувшись, киваю.

– Ась, Сергей Львович и остальные Немцовы не были в курсе того, что Ксения беременна.

– Если бы они узнали, я бы точно не появилась на свет.

– Может и так, – произносит она задумчиво. – Но сейчас ты здесь и нам нужно максимально деликатно всё обставить.

– Ясно.

– Пойми. Ты должна принять правила игры. Взамен получишь всё то, о чём мечтать не могла.

– Я мечтала лишь о том, чтобы моя мама вылечилась от рака.

– Но мамы больше нет. Есть Немцовы. Твои родственники. Причём кровные.

– Вы сказали, что они про меня ничего не знали...

– Да.

– Тогда как нашли?

– Твоя мама написала письмо и попросила подругу передать его Эмме Багратовне после своей кончины. Она не хо-

тела, чтобы ты осталась одна.

– Я одна по факту, – отворачиваюсь к окну.

– По крайней мере, ты не в детдоме.

– Учитывая обстоятельства, теперь и не знаю, где лучше.

– Я знаю, – произносит Дина неожиданно. – Сама там росла. Врагу такой жизни не пожелала бы.

– Директор, Евгения Владимировна Милославская, – представляется высокая худая женщина, одетая в брючный костюм цвета фуксии. – Ася, рады приветствовать тебя в стенах нашей гимназии.

Сфокусировав на мне свой цепкий взгляд, растягивает губы в неестественной улыбке.

– Здравствуйте.

– Вот документы, которые мы должны были привезти вам.

Дина оставляет на столе чёрную папку.

– Прекрасно.

Директриса начинает просматривать её содержимое.

– Всё в порядке?

– В полном, – кивает та в ответ. – Секретарь сегодня же оформит личное дело.

– Благодарю вас. Эмма Багратовна крайне признательна за оказанную услугу.

Страшно представить, во сколько обошлась эта её признательность.

– Ну что вы, Дина Андреевна. Это мы глубоко признатель-

ны семье Немцовых за выбор нашей образовательной организации. Уверена, Асе непременно здесь понравится. Лучший класс, профессиональный педагогический состав, внеурочные занятия на любой вкус, активная школьная жизнь. Вот скоро конкурс красоты намечается «Мисс Гимназия 2020».

– Мне это неинтересно.

– Напрасно. Такой красивой девушке непременно стоит поучаствовать.

– Мы подумали, Асе нужно немного освоиться, – снова подключается к разговору Дина. – Не возражаете, если она посидит на оставшихся уроках со своим классом?

– Разумеется! Инночка, зайдите ко мне, – Милославская вызывает к себе секретаря через селектор. – И прихватите с собой расписание десятого А.

– Евгения Владимировна, вызывали?

Минуту спустя на пороге кабинета появляется молодая рыжеволосая женщина.

– Будьте так любезны, проводите Асю Немцову в десятый А. Передайте наше ценное приобретение, так сказать, из рук в руки. Стелле Романовне о её прибытии я сообщу.

– Хорошо.

– Проинформируйте на тему того, что у нас и где, дабы девочка не потерялась.

– Конечно. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Встаю и бросаю неуверенный взгляд на помощницу Нем-

цовой.

– В четырнадцать тридцать Иван будет ждать тебя на парковке. Удачи, Ась, – подмигивает мне Дина.

Покидаю кабинет директора и направляюсь вслед за секретаршей, шагающей модельной походкой впереди.

– Это учебный корпус, – останавливается, чтобы рассказать о гимназии, – У нас три этажа. Нумерация кабинетов очень простая: сто третий, к примеру, – это первый этаж. Двести одиннадцатый – второй. Ориентируйтесь по начальной цифре.

– Ясно.

– Уборные есть на каждом этаже. Гардероб вы проходили. Библиотека находится вон там справа. Спортивный зал, актовый, бассейн и кафе-столовая располагаются в соседнем корпусе. Пройти туда можно через стеклянный переход второго этажа, – указывает на окно. – Вот ключ от вашего личного шкафчика. Номер сто пятьдесят семь, – передаёт его мне. – Прошу за мной.

Стук от её каблучков эхом разносится вдоль высоких стен.

Пересекаем пустой холл, выстланный шахматной плиткой и поворачиваем налево.

– Нам сюда. Здесь кабинет математики. Алгебру и геометрию преподаёт ваш классный руководитель, Стелла Романовна. Держите расписание, – передаёт мне лист.

– Спасибо.

– Готовы войти в класс? – спрашивает, заметив моё вол-

нение.

– Да.

Кивает. Стучит по стеклу и приоткрывает дверь.

– Стелла Романовна, добрый день. Прошу прощения за беспокойство.

– Добрый, Инна Максимовна.

– Передаю вам новенькую. Из рук в руки, как было велено.

– Принимаем.

– Ась, заходите, – зовёт меня секретарь.

Расправив плечи, делаю вдох-выдох и захожу в класс.

– Воу, это кто ещё у нас?

– Чё за кукла в нашем королевстве? – оживляются присутствующие.

Переговариваются.

Шепчутся.

Разглядывают с ног до головы.

Кто-то даже вызывающе громко свистит, а затем произносит:

– Зачётные копыта, киса!

– Ливандовский, да она тощая как палка. Очнись! – толкает его в плечо блондинка, сидящая на соседнем стуле.

– Ребята, отвлекитесь от задания на минуту, – запоздало обращается к подопечным Стелла Романовна. – Хочу вам кое-кого представить, – классный руководитель встаёт из-за стола, подходит ко мне и становится рядом. – Это Ася Немцова и с сегодняшнего дня она будет учиться с нами. Прошу

вас быть гостеприимными и достойно принять девочку в нашу дружную классную семью.

– Прямо *девочку*? – делает акцент на последнем слове наглый брюнет с последней парты.

– Проверим, Герыч, – ухмыляется светловолосый парень, сидящий в правом ряду.

– Как там её фамилия?

– Немцова.

– Тихо! – Стелла стучит карандашом по столу, призывая коллектив к порядку. – Продолжим урок. Ася, присаживайся на свободное место.

Шагаю по направлению к пустующей парте третьего ряда.

В мою сторону обращены десятки глаз и мне уже заранее не нравится ещё одна потенциальная «семья».

Ей богу, Всевышний, как будто мне одной недостаточно.

Глава 8 Новенькая

Звенит звонок с урока.

Стелла Романовна собирает тетради и покидает класс, оставляя меня один на один с этими акулами.

А они будто только этого и ждали.

– Чё за краля? – обсуждают между собой.

– Да кто её знает.

– Инфы пока никакой.

– Взялась из ниоткуда.

– Профиля в соцсети нет.

– Чё за дичь?

– Симпотная.

– Обычная.

– Тощая.

– Нормальная. Ноги от ушей.

– Нос переделанный. Сто проц!

Смешно.

– Да и пофиг. Надо стрельнуть у неё телефончик хирурга.

– Копцова, тебе твой шнобель только мясник укоротить сможет.

– Завали хлебало, Ржевская.

– А цвет волос? Как думаете? Свой?

– Нет конечно.

Забавно это слышать.

– Шмотьё брендовое.

– Сумка за двести шестьдесят косарей.

Что? Сколько??? Мне теперь страшно носить её.

– Точно оригинал? Не паль?

– Нет.

– Ролексы тоже настоящие.

Непроизвольно касаюсь пальцами наручных часов. Вольдемар вручил их мне вчера по возвращении домой.

– Ну что, подруга, давай знакомиться?

Блондин переворачивает стул спинкой ко мне и садится на него, подпирая ладонью подбородок.

– Платон, – представляется, улыбаясь.

– Неинтересно, – отражаю невозмутимо и наблюдаю за тем, как улыбка медленно сползает с его лица.

– А чё так невежливо?

– Будешь со мной про вежливость говорить? – выгибаю бровь. – Не ты ли пятнадцать минут назад обещал проверить девочка перед тобой или нет?

– А... Ты про это? Забей, – беззаботно отмахивается. – Шутки не понимаешь?

– Таких? Не понимаю.

– Задел за живое, что ли? – ухмыляется.

– Нет. Просто у меня аллергия.

– На что?

– На тупой юмор и блондинов.

Присутствующие улюлюкают и поглядывают в мою сторо-

ну с ещё большим любопытством.

– Платоха, это полный фэйл!

– Провал, бро.

– Теряешь хватку.

– Отбрили тебя, Горский!

– Да можно подумать. Заткнитесь! – пытается закрыть им рты.

– Откуда прикатила, новенькая? – осведомляется высокая шатенка, не отвлекаясь от своего занятия.

Она сосредоточенно красит губы.

– Из Тольятти.

– Это где вообще? – отрывает взгляд от зеркала.

– Самарская область.

– Жопа мира, Сонь.

– Тольятти? Родина отечественного автохлама? – возле моей парты останавливается тот наглый брюнет. – И какими судьбами к нам, в элитный подмосковный посёлок? – опирается бёдрами о стол.

– К родственникам приехала, – смотрю на него исподлобья.

– Как интересно... Надолго?

– Надолго.

– Почему только сейчас?

– Обстоятельства так сложились.

– И кем тебе приходится Немцовы? – спрашивает кудрявая блондинка, прищуриваясь.

– Однофамильцами по ходу.

Смеются, а я начинаю нервничать.

Что мне отвечать? И должна ли я вообще перед ними объясняться?

– Много будете знать, рано состаритесь. Оно вам надо? – выдаю, внутренне подсобравшись.

– Чё?

– Не, вы это слышали?

– Борзая чересчур, да? – брюнет пропускает прядь моих волос меж пальцев.

– Не люблю, когда нарушают моё личное пространство.

– Я нарушу однозначно, – обещает он. И обещание это мне совсем не нравится.

– О, а вот и родственники нарисовались!

– Маратик!

– Привет, красавчик.

– Марат, здорово!

– А мы тут гадаем, кем тебе приходится новенькая.

– Реально имеет какое-то отношение к вашей семье?

– Где она? – слышу его недовольный голос, но отчего-то радуюсь.

– Да они там с Соколовским воркуют.

Убираю от себя руку брюнета и встаю со стула, чтобы увидеть брата.

– Я здесь, – оповещаю зачем-то, выбираясь из-за стола.

Останавливаюсь в проходе, цепenea.

Марат злой, сердитый и явно агрессивно настроенный.

В глазах улавливаю секундное удивление, потому что узнаёт далеко не сразу, но смотрит он на меня по-прежнему как на врага.

Клянусь, буквально физически снова ощущаю исходящую от него волну чёрной ненависти.

– Привет, – выдавливаю из себя через силу.

Его острый взгляд в ответ прожигает во мне дыру.

Опускается вниз к моим ногам, после чего снова медленно поднимается к лицу.

– Ребят, пояснительная будет? – интересуется кто-то, заполняя образовавшуюся паузу.

– Да, хотелось бы понимать, чё к чему.

– Она кто тебе?

– Пошли выйдем, Назарова, – игнорируя вопросы, цедит Марат сквозь зубы.

Под прицелом любопытных глаз на негнущихся ногах выхожу в коридор.

В этот же момент звенит звонок на урок и разгоняет всех по классам.

Марат, будто конвоир, идёт позади меня и спину печёт от его пристального взгляда.

– Прямо и налево. Под лестницу заворачивай, – командует парень.

Делаю, как говорит.

Шаг. Ещё один.

Две ступеньки вниз.

Встаю у окна.

Разворачиваюсь и вновь встречаю его недобрый прищур.

– Какого дьявола ты тут забыла? – осведомляется ледяным тоном.

– Меня привезла сюда Дина.

– Дома моего тебе мало? – нависает надо мной грозовой тучей. – Теперь тут глаза мозолить собираешься?

– Извини, но выбора мне не предоставили, – отражаю спокойно. – Перед фактом поставили. Сказали, что буду учиться здесь.

– Не будешь, – отрицательно качает головой.

– Почему? – осмеливаюсь спросить, нахмурившись.

– Во-первых, эта гимназия не для тебя. Как там говорят... Можно вывезти девушку из деревни, а деревню из девушки – никогда. С таким именем особенно.

– Нормальное у меня имя, – защищаюсь.

– Колхозное. Но для глуши, из которой ты родом, сойдёт.

Поджимаю губы.

– Ты хоть что на себя нацепи: ролексы, шмотьё брендовое. Своей тут всё равно никогда не станешь.

– Как-нибудь переживу. Что там у тебя во-вторых? – подбородак задираю.

– Это МОЯ территория, Назарова, – цедит сквозь зубы.

– Я на твою территорию не претендую. Я вообще ни на что не претендую.

– Ну да, – усмехнувшись, кивает.

Не верит мне.

– Правда. Можешь не беспокоиться.

– Беспокоиться стоит тебе.

– О чём?

Наклоняется ближе и в ноздри пробирается волнующий мужской аромат.

Кедр, сосна. Что-то еще дразняще притягательное.

– Просто свали туда, откуда появилась, – произносит он вкрадчиво. – Если, конечно, не хочешь, чтобы твоё существование превратилась в ад.

– Хватит меня запугивать, – стойко принимаю очередную угрозу, глядя в его колючие глаза.

– Я не запугиваю. Пока предупреждаю.

– Что такого я тебе сделала? – изо всех сил стараюсь держаться.

Он молчит.

– Мы ведь толком с тобой и не знакомы даже. За что так меня ненавидишь? Я правда не понимаю. Ты ведь брат мне, вроде как. Всё должно быть иначе.

Марат склоняет голову чуть влево и прищуривается.

– За что ненавижу? Может за то, что ты мою жизнь разрушила? М?

– Я не...

Договорить не позволяет. Напирает на меня с обвинениями.

– Сначала мамаша твоя в нашу семью влезла. Теперь ты объявилась. Опять же с её подачи.

– Не трогай маму, Марат, – мой голос звучит тихо, но твёрдо. – На этот раз я тебя предупреждаю.

Он смеётся, а потом резко перестаёт.

– Три дня у тебя есть, Назарова, на то, чтобы свалить из МОЕГО дома. Что хочешь придумывай, но проси Багратовну сдать тебя обратно в питомник. Там твоё место.

Обидно это слышать.

Выдерживаю паузу, вглядываясь в красивое лицо, черты которого искажены от злости.

Ладно.

С волками жить, по-волчьи выть.

– Позавчера во время ужина, – тяну я медленно, – госпожа Немцова сказала, что ничего *твоегов* её доме нет. Что бы это значило, Марат? Не объяснишь?

Парень, изменившись в лице, резко дёргает меня на себя, прихватив за локоть.

– Ты кто такая, чтобы я перед тобой объяснялся?

– Отпусти, пожалуйста. Мне больно.

Осознаю, что сама нарвалась на грубость, но его это несколько не оправдывает.

– Только попробуй хоть где-нибудь рот открыть на эту тему! Я тебя уничтожу, клянусь, – стискивает челюсти и на его точёных скулах от напряжения проступают желваки.

– Марат, что здесь происходит? – за его спиной стоит биб-

лиотекарь. (Так на бейдже обозначено). – Ну-ка немедленно отпусти девочку. Ты чего творишь?

– Извините за опоздание.

Появляюсь в кабинете биологии спустя десять минут.

– Это ещё кто внаглую посреди урока заявляется?

Хрупкая на вид пожилая дама смотрит на меня взглядом буфетьера.

– Новенькая у нас, Эллада Павловна.

– Она думает тут у нас свободное посещение.

– Фамилия? – интересуется преподаватель сухо.

– Немцова, – за меня кто-то выкрикивает.

– Немцова? – уточняет недовольно.

– Да.

– Прекрасно. И что же, у нас всем Немцовым устав гимназии не писан?

– Задержалась, извините ещё раз, – повторяю я.

– Опоздавшие отвечают на три вопроса по теме.

– Щас новенькая как поведает нам о половом размножении!

Смеются.

– Тишина! – они замолкают. – Итак, товарищ Немцова, – Эллада Павловна опускает на нос очки, чтобы получше разглядеть меня. – Начнём. Понятие гаметогенеза.

– Процесс производства гамет.

– Милочка, кто же так отвечает? Гаметогенез — это биологический процесс, представляющий собой деление клеток, в частности митоз и мейоз, для производства гамет, половых клеток. Первый вопрос – минус. Дальше, пожалуйста: отличие конъюгации от сингамии.

– Не знаю.

Здесь даже пытаться бессмысленно.

– Сингамия означает слияние гаплоидных половых клеток, в результате которого образуется диплоидная зигота. Это наиболее распространенный тип размножения в многоклеточных половых популяциях, включая человека. Конъюгация отличается от сингамии тем, что два организма объединяются во временном слиянии. Это можно наблюдать среди одноклеточных организмов, таких как бактерии, простейшие и одноклеточные грибы. Второй вопрос – минус, но дам вам шанс. Назовите преимущества полового размножения.

– Удовольствие и ещё раз удовольствие.

– Пхах!

– Покровский!

– Ну а чё?

– Немцова, мы вас слушаем.

Молчу.

– Назовите типы размножения. Инфузория туфелька, гидра пресноводная, кукушкин лён.

– Можно вы просто поставите мне два и я сяду?

– Я поставлю, не сомневайтесь, но перед тем, как займёте

своё место, будьте любезны, скажите, откуда вы к нам прибыли. Пробелы в знаниях катастрофические! Материалом за девятый класс не владеете. Стоите, ресницами хлопаете, – вздыхает, закатывая глаза. – Неуч, он и есть неуч. Неважно в какой упаковке.

– Эллада Павловна, не переживайте, я лично возьму Немцову под своё крыло, – обещает брюнет по фамилии Соколовский.

Опять тот самый, да.

– Ага. И теорию, и практику разом освоят.

Мои одноклассники начинают свистеть как придурки, а я, воспользовавшись моментом, подхожу к своей парте.

– Подтянет-натянет, – внимательно следит за моим передвижением та шатенка, которая красила губы.

– Не завидуй, Ржевская. Смирись уже с тем, что Сокол списал тебя в утиль.

– Сейчас табло разобью, Копцова, – она поворачивается к сидящей позади неё девчонке.

– Ну рискни!

– Сомневаешься?

Не успеваю сесть на стул, как между ними завязывается самая настоящая драка.

Вот вам и элитная гимназия на Рублёвке.

Я как будто снова в «питомнике» своём оказалась...

Глава 9 Скандал

Последующие двое суток проходят относительно спокойно.

Если вкратце, осваиваюсь потихоньку и пытаюсь привыкнуть к новой реальности, в которой всё для меня чужое...

В доме со мной по-прежнему никто не разговаривает.

Благо, семейные ужины удаётся пропустить, поскольку госпожа Немцова в отъезде.

Что же касается новой школы... Там дела так себе. И если по началу меня особо не трогают, то в какой-то момент всё вдруг резко меняется.

Итак, из отведённых Маратом трёх дней остаётся один. И в этот самый день происходит то, чего никто не ожидает.

Сперва я замечаю косые взгляды, направленные в мою сторону, а уже на большой перемене, в то время, когда мы ожидаем учителя в холле, мои новые одноклассники начинают говорить обо мне так громко, что просто невозможно их не услышать.

– Она из детдома, прикиньте?

– Мда... Платье не Версаче, конечно.

– Парадно-выходное, по ходу.

Смеются, а я перестаю писать в тетради и настороженно прислушиваюсь.

– Лук на грани фантастики.

– Вы кеды эти видели?

– Зовите полицию моды.

– Да она как чмошница на этих фотках!

Что-то показывают друг другу в телефонах.

– Бомжара.

– Отстой полный!

– Эй, новенькая, – в меня прилетает скомканный кусок бумаги. – Слышь?

Поднимаю голову.

– Так это правда? Ты из приюта? – кривит лицо Ржевская.

– Тут написано, что да, – сообщает Копцова, глядя в свой айфон. – Её забрали из детдома Самарской области. Всего несколько дней назад.

– Кошмар! Надо срочно звать в класс медсестру. Она ж могла чё угодно принести нам! Чуму, холеру.

– Ты в каком веке? Чумой и холерой люди давно не болеют, – кладу учебник на колени, достаю телефон, открываю браузер и начинаю печатать запрос.

– Ребят, реально, а вдруг она блох принесла нам?

– Капец, я аж чесаться начала!

– Они живут только на животных, дуры.

– Ты чё не сказала нам про детдом, убогая?! – предъявляет Марина.

– Я здорова, – цежу сквозь зубы, сосредоточившись на экране.

По запросу выпадает куча ссылок.

И да, там несколько статей посвящены моей скромной персоне.

– Куда блин смотрит руководство гимназии? Абы кого берут сюда без разбора!

– Погодите, так получается, она никакая не Немцова? – вмешивается в разговор Платон Горский.

– Ага, прикиньте! Строила тут из себя не пойми кого. Её фамилия Назарова.

– Точно! Марат так её называл!

– Ты думала, никто не узнает? Серьёзно?

– Брендовым шмотьём такую грязь не прикрыть. Внебрачная дочь, фу!

– Я в шоках!

– Какая мерзость...

– Немцовы подобрали её, когда мамаша окочурилась.

– Наверное алкашкой была.

– Сто пудов.

Здесь моему терпению приходит конец.

Убираю телефон.

Захлопнув учебник, швыряю его в сторону и спрыгиваю с подоконника.

– Что ты там про мою маму сказала?

Подхожу к Ржевской вплотную.

– А ты не расслышала? – выгибает бровь.

– Повтори, – требую, стиснув челюсти.

– Я предположила, что она алкоголичка, – равнодушно

пожимает плечом. – Что, угадала, да? Она биомусор? Такой же, как и ты?

Толкаю одноклассницу.

Выходит сильно, потому что она, пошатнувшись, едва не падает.

– Охренела?

– Не смей так говорить про неё!

– Слууушай, а если ты внебрачная дочь, получается, что твоя мать ещё и шлю...

Не позволяю договорить.

Набрасываюсь на неё.

– Аааааа! Отпусти, ненормальная!

Хватаю девчонку за волосы.

Падаем на пол.

– Давай, Ржевская! Покажи ей!

– Мочи!

– Атас! Тёлки дерутся!

А мы и правда дерёмся.

Пыхтим, катаемся по плитке, царапаемся и боремся под ободряющий гул толпы, которая игнорирует звонок на урок.

Никто никуда не торопится. Все наслаждаются шоу.

– Гля, как новенькая в неё вцепилась!

– Охренеть, сколько в ней дури!

Да. Сейчас я сверху и пользуюсь ситуацией.

Спасибо детскому дому. Громыко и компания научили меня тому, что нужно бить первой.

Там я, убитая горем, едва ли была способна противостоять, но здесь... Тут меня от злости так штормит, что адреналин в крови зашкаливает.

Машке Ржевской достаётся.

Хотя, справедливости ради, стоит признать, что и мне от неё достаётся тоже.

– Ну-ка разошлись все! Что тут происходит?

– Драка бабская, Нелли Равильевна, – улавливаю фоном.

– Девочки, немедленно прекратите! – призывает нас к благоразумию завуч. – Что вы стоите все! Помогите! Мальчишки, скорее оттащите их друг от друга! Быстрее!

Чувствую, как меня кто-то хватает сзади.

– Всё, Ась, – звучит над ухом голос Соколовского.

– Пусти меня!

Пытаюсь вырваться из его рук.

Активно машу в воздухе ногами.

– Угомонись уже, сорок килограммов ярости. Она своё получила. Хватит.

Ставит меня на пол словно куклу и я, тяжело дыша, одёргиваю юбку.

– Маш, ты в норме? – осведомляются одноклассники, обступив Ржевскую.

Там же, кстати, находится и Мирослава.

Она, судя по выражению лица, в настоящем ужасе от произошедшего.

– Встать можешь, Машка?

– Помогите ей, пацаны!

Вытирая многострадальный нос, наблюдаю за тем, как поднимают плачущую одноклассницу.

– Блин, Махач, у тебя фингал, по ходу, будет!

– Фига се она те клок волос выдрала!

– Цепочка твоя? Порвалась.

– Скажи что-нибудь!

– Ни хрена себе! У тебя там чё нет зуба?

Очень на это надеюсь!

– Реально, гляньте тут кусок зуба валяется!

– Да ты гонишь!

– Эй, ты в норме? – спрашивает у меня Соколовский.

– Да. Отпусти.

– Точно успокоилась?

Киваю.

– Ладно, убираю руки. Только давай без глупостей, окей?

Обретаю наконец свободу.

Он отступает на шаг и зачем-то поправляет мои волосы, пока я осматриваю пострадавшие вещи.

– Вы что здесь устроили? В конец ополоумели??? – ругается завуч. – Обе в кабинет директора! Сию же секунду! Остальные на уроки марш!

Нелли Равильевна разгоняет толпу в паре с подросевшим учителем химии, после чего ведёт нас в административное крыло.

– Фебе конец! Я фебя унифтожу! Вавдавлю! – шепелявит

Ржевская, умудряясь даже в таком состоянии пускать яд.

Молча иду по коридору, никак не реагируя на её угрозы.

Мы уже почти добираемся до кабинета Милославской, как из-за угла вдруг вырывается Марат.

– Немцов? Ты почему не на уроке? – строго осведомляется Равильевна, пока он, нахмурившись, таращится прямо на меня.

– У меня тренировка, я уезжаю.

– Ясно. Выпускной класс, а учёбы по-прежнему никакой!

– Её я забираю тоже, – сообщает он, кивая в мою сторону.

– В смысле? Что значит забираешь? – завуч растерянно смотрит на него поверх очков.

– То и значит. Нас уже ждёт машина.

– Но у нас ЧП! Мы идём к директору...

– Подписанное опекуном заявление уже у Милославской, – разворачивается, засунув руки в карманы брюк, и через плечо бросает холодно: – Шевелись, Назарова...

Иду вслед за Маратом.

Выходим на улицу.

Проходим через КПП на парковку и у знакомого автомобиля парень останавливается, пропуская меня вперёд.

– Ася! – доносится до меня голос Соколовского.

Поворачиваюсь.

Одноклассник быстрым шагом направляется ко мне.

– Ты на подоконнике оставила сумку и телефон.

– Спасибо. Совсем забыла о них.

– Ты уже уезжаешь?

– Да.

– Как себя чувствуешь? У тебя кровь...

Ответить не успеваю, потому что в разговор вмешивается Немцов.

– Мы торопимся, Соколовский. Так что завязывай стропы из себя грёбаного джентльмена. Верни девчонке вещи и проваливай.

Значит мне не показалось. Между ними действительно есть какое-то напряжение.

– А ты чё на нерве, Марат?

– Не переносу твоё присутствие дольше минуты, ты же знаешь.

– Ну теперь то придётся, да? Держи, Ась, – Соколовский отдаёт мне сумку и телефон. – А с тобой, на игре увидимся, – эти слова адресует моему брату.

– Выход твоей команды в четверть финал – недоразумение.

– Посмотрим.

Сверлят друг друга глазами.

– В машину садись, у нас нет на него времени, – бросает мне Марат.

– Пока, Ась, – напоследок говорит мне одноклассник.

Забираюсь в салон.

Собственно, вот так мы с Немцовым оказываемся практически один на один в закрытом пространстве.

Сижу прямо напротив него и кожей ощущаю на себе тяжёлый, пристальный взгляд.

Кап. Кап.

На белоснежную блузку капает кровь.

Прижимаю тыльную сторону ладони к носу и другой рукой ищу в сумке платок, которого, к сожалению, нет.

Марат, раздражённо цокнув языком, протягивает мне салфетки.

Не беру из принципа.

Не нужны мне его подачки.

Откидываю голову на спинку.

– Давай, захлебнись собственной кровищей.

– Ты наверняка мечтаешь именно об этом, – не могу не сострить. – Моя кровь никак не даёт тебе покоя, да?

– Не преувеличивай свою значимость, Назарова, – цедит сквозь зубы.

Усмехнувшись, киваю, а потом начинаю кашлять.

– Вперёд наклонись и зажми переносицу на пару минут, – произносит он, какое-то время молча наблюдая за моими мучениями.

Делаю, как говорит. Потому что кровь всё никак не останавливается.

– Когда успела снюхаться с Соколовским? – прилетает недовольное.

Молчу.

– Вы его, что ли, с Ржевской не поделили? – осведомля-

ется холодно.

– Ещё не родился тот парень, за которого я драться буду.

Прищуривается, чуть склонив голову набок.

– Значит это из-за шумихи в СМИ?

– Я никому не позволю оскорблять мою маму. Ясно?

Проверяю нос.

Его совет помог. Кровотечение наконец остановилось.

– Твоя мать влезла в чужую семью. Чему удивляешься?

– Моя мама была порядочным человеком. Я... Не верю в эту грязь. Там что-то не так.

Он поджимает губы.

– Если драка из-за матери, то какого хрена Сокол нарисовался на горизонте?

– Просто хотел отдать мне вещи.

– Наивная. Он ничего просто так делать не станет.

– По себе судишь?

– Не тех друзей заводишь, Назарова...

Пытаюсь отряхнуть юбку от пыли.

Вид у меня конечно тот ещё...

– Даже если так, тебя это не касается.

– Ты правда так считаешь? – он ухмыляется. – Смотри, станешь разменной монетой. У меня с Соколовским, к твоему сведению, давние счёты.

– Я здесь причём? – осматриваю коленку.

На ней болезненная ссадина.

– Мозги включи. Ты имеешь отношение к моей семье и

можешь быть интересна ему только по этой причине.

Моя очередь ухмыляться.

Может это от того, что я, резко выпрямившись, замечаю его взгляд, направленный на мои ноги.

Дина была права. Юбка и правда чересчур короткая.

– Из-за тебя у нас большие проблемы, Назарова. Ты в курсе?

Встречаемся глазами и я опять совсем ни к месту думаю о том, что Марат Немцов, с точки зрения эстетики, очень красивый парень.

Даже слишком красивый, пожалуй. Выглядит как кинозвезда и, конечно, прекрасно знает об этом.

– Дома скандал. Вся грёбаная правда вылезла наружу. Багратовну допекают журналисты.

– Я держала язык за зубами. Это не моя вина.

– Твоя вина, Назарова, в том, что ты вообще появилась. На свет, – добавляет язвительно.

– Ты слишком часто произносишь мою фамилию. Так сильно нравится? – мой черёд колоть.

– Чтобы не забывала, кто ты есть.

– Это вряд ли случится, учитывая ваше ко мне отношение.

– Ожидала чего-то другого?

– Разве что большей человечности, – отворачиваюсь к окну и наблюдаю за тем, как по стеклу сбегает капельки дождя.

– Тебе грех жаловаться, знаешь ли. Отмыли, причесали,

упаковали в брендовое шмотье, привели в божеский вид. Живёшь в Барвихе. Учишься среди элиты. Небось и мечтать не могла о подобном, сидя в этой своей дыре...

– Я мечтаю лишь о том, чтобы мне вернули мою прежнюю жизнь, – отвечаю с грустью. – Жаль, что это невозможно.

– Возможно. Я самолично готов подкинуть тебя назад к детдому. Вообще не проблема, Назарова. Пятнадцать часов – и мы там.

Снова смотрим друг на друга.

– Не получится, вот досада! У тебя ведь машину на днях забрали, верно? – напоминаю ехидно.

– Одолжу у друга по такому случаю.

Средний палец ему показываю.

– За жёстами следи. Не то...

– Не то что? – провоцирую, задираю подбородок.

– Приехали, – сообщает водитель, вмешиваясь в нашу перепалку, – но должен предупредить: снаружи дождь и журналисты.

– Прекрасно, мать вашу! – парень пододвигает к себе ногой спортивную сумку.

Дёргает за молнию.

Достаёт оттуда чёрную толстовку и бросает прямо в меня.

– Зачем это? – спрашиваю, нахмурившись.

– Ты себя видела? Ещё решат, что Немцовы тебя избивают. Считаешь, недостаточно поднаслала моей семье? Одевайся давай в темпе. Я из-за тебя на тренировку опаздываю.

Ныряю в просторную худи и меня тут же окутывает уже знакомый мужской аромат.

– Двигаемся к центральному входу максимально быстро. Ни с кем не разговаривай. Поняла?

Киваю.

Водитель открывает дверь.

Выбираемся из машины.

Марат отказывается от зонта, накидывает мне на голову капюшон и сдвигает так, чтобы он спадал на лицо.

– Пошли.

Идём по направлению к Ледовому Дворцу и в какой-то момент в нашу сторону начинает двигаться толпа людей.

– Они...

– Не отставай.

Едва поспеваю за ним.

Журналисты окружают нас. Начинают наперебой задавать вопросы. Фотографировать.

Это всё дезориентирует.

Я бы точно растерялась, но Марат не позволяет этому случиться.

Его горячие пальцы вдруг сжимают мои и он уверенно ведёт меня за собой...

Глава 10 Лёд

Оказавшись в здании, проходим через турникет на посту охраны. Там нас пропускают без вопросов. Что вполне логично, ведь Марат – внук хозяйки спортивного комплекса. Плюс ко всему, похоже, здесь он и тренируется.

В очередной раз мой рот открывается от удивления.

Какая красота вокруг! Мрамор. Колонны. Высокие окна. Мозаика. Белоснежная мебель. Свет и простор.

Стиль Немцовой чувствуется сразу. Размах, шик, богатство.

– Какого дьявола ты тормознула там? – недовольно спрашивает Марат, пока пересекаем холл. – Сказал же не останавливаться.

– Они так налетели и я...

Окидывает меня раздражённым взглядом, а я вдруг понимаю, что мы всё ещё почему-то держимся за руки.

Это... Так странно. А ещё... Очень волнующе.

– Капюшон сними.

Снимаю.

– Хотя нет, лучше верни обратно, пока людей на хер не распугала.

Вот козёл!

Разобидевшись, поджимаю губы.

– Можешь уже отпустить меня. Здесь нет угрозы в лице

журналистов, – подмечаю ядовито.

Марат тут же отпускает мою ладонь, разрывая контакт.

– В следующий раз, когда начнёшь жёстко тупить, помощи не жди.

– Зачем я здесь?

– Ты нужна Багратовне. Сказано было притащить тебя.

– Она не говорила для чего? – уточняю, нахмурившись.

– Действительно думаешь, что

Багратовна передо мной отчитывается? – ухмыляется.

– Ясно.

– Всё, Назарова. Моя миссия выполнена, – разворачивается.

– А куда мне идти-то?

Здание совершенно незнакомое. И оно просто огромное.

– Прямо и налево, – доносится в ответ.

Что ж. Не послал – уже хорошо.

– Спасибо, – благодарю в спину.

Марат останавливается и разворачивается.

Выжидает паузу.

– Назарова... – его взгляд цепляется за худи.

Вопросительно выгибаю бровь.

– Моё предложение в силе. Могу подкинуть до Самарской области.

Закатываю глаза и, резко крутанувшись вокруг своей оси, ухожу в заданном ранее направлении.

Оказывается, конечной точкой моего маршрута является каток.

Открываю двери. Вхожу.

– Стоп! – слышу сперва недовольный голос Немцовой, а затем уже вижу её саму, восседающую на трибуне.

Музыка затихает.

– Паршивый прокат, Яна! Ты сейчас просто бессовестно тратишь моё время! – высказывает претензии своей подопечной. – Риттбергер – отвратительный! На первом тулупе завалилась! Вращение – носок не дотянула. Линия не ровная. Каскад – на отвали! Кантиливер – не сделала.

– Но я сделала!

– Вита, чем вы занимались всю неделю? – раздражённо обращается Эмма к дочери.

– Чистили программу.

– И это ты называешь почистили? Я такой позор на отборочные выставлять не стану!

– Мы виделись только три раза. У Яны не получилось посетить все тренировки.

– Что значит не получилось? – возмущённо каркает Немцова.

– Я отработаю, – обещает спортсменка.

– Ты должна была сделать это ДО сегодняшнего дня!

– Я не успела. У меня проблемы дома.

– Мне насрать на твои проблемы, Яна! Ты знаешь правила. Кто хочет поехать на чемпионат Европы, тот пашет как

Папа Карло! Изо дня в день!

– Я стараюсь, – защищается девушка.

– Нет, не стараешься. Ты как корова на льду! Неповоротливая, медленная, неаккуратная! Безобразный прокат! В этом сезоне ты – сплошное разочарование.

– Я...

– Вон, Железова! Убирайся с глаз моих! Не способна кататься достойно – иди рожай и борщи вари жениху своему недоделанному...

Яна, стиснув зубы, покидает каток.

Она на взводе и плачет.

Словно ураган мимо меня проносится, едва не сбивая с ног.

– Вита, я тебя уволю. Клянусь, не посмотрю, что дочь.

– Она не посещает тренировки, что я могу сделать? – защищается та.

– На неё полагаться нельзя. Я снимаю Яну с отборочных.

– И как? Она нам нужна.

– Не нужна. Стужину готовь. Лена землю грызть готова и будет пахать как проклятая.

– Не успеем, с момента травмы прошло слишком мало времени.

– Работай, Вита, работай!

– Я тебе не сраный волшебник. Наш разговор, кстати, уже не является приватным, – смотрит в мою сторону.

Немцова поворачивает голову, замечает меня и раздра-

жённо цокает языком. Один в один как её внук Марат.

– Что опять с внешним видом? – хмурит брови. – Лохматая. Нос разбит. Колени в крови.

– В школе кое-что случилось.

– Что ты за девочка такая? Из драки в драку. Не пойми на кого похожа уже.

Молчу.

– Сюда подойди. У меня времени в обрез.

– Вы сами меня позвали, – напоминаю.

– Дина сказала, ты катаешься.

У её помощницы слишком длинный язык.

– Катаюсь, – киваю.

– Это просто смешно, – улыбается Вита. – Давай вернёмся к разговору о Яне?

– В отличие от вашей Яны, кантиливер я делать умею.

Вита фыркает.

– Почему никогда не выступала на всероссийских отборочных? – спрашивает Эмма. – Ведь насколько я знаю, на местных соревнованиях ты занимала призовые места.

Я не единожды задавалась этим вопросом.

– Мама говорила, что мне это не нужно.

– Дура недалёкая, мать твоя.

– Не смейте так говорить про неё!

– Переодевайся и на лёд, Назарова. Время – деньги. Вита, дай ей форму и коньки.

– Мам, ну что за бред? Нам пора на малую арену. Сейчас

хоккеисты сюда явятся.

– Ты внезапно оглохла? Форму и коньки ей дай, Виолетта,
– цедит Немцова раздражённо.

Выполняю бильман. Это элемент, в котором одна нога поднята и удерживается руками над головой.

Вращаюсь. Отпускаю ногу.

Проезжаю вперёд.

Захожу ещё на один круг.

Каскад.

Коньки скользят по гладкой ледяной поверхности. Поток воздуха дует в лицо. Адреналин щекочет грудную клетку, наполненную восторгом. Непередаваемое чувство!

Я не выходила на лёд вот уже три месяца. Несколько недель в детдоме, плюс то время, которое провела у маминной постели.

После очередной химии ей стало хуже. Она нуждалась в уходе, понадобилась моя помощь. Вот почему я перестала посещать тренировки. Было не до них. В такие моменты важным становится лишь здоровье родного человека.

– Разогрелась, Назарова? – осведомляется Виолетта после того, как я выполняю разминочный флип. – Мы ограничены во времени, это тебе не бесплатный дворовой каток.

Останавливаюсь.

– Я готова. Включите Muse Supermassive black hole, – озвучиваю пожелание.

Под эту песню я должна была выступать в нынешнем сезоне и да, это именно та программа, которую я отлично знаю. Мы с моим тренером проделали большую работу, когда готовились. Жаль только, что я так и не показала её на соревнованиях.

Принимаю стартовую позу.

Начинает играть музыка и я сразу включаюсь в настроение, которое она задаёт.

Как бы объяснить... Это некая особая магия. Перестает существовать всё вокруг. Есть лишь лёд и ты.

Фигурное катание, бесспорно, – один из самых красивых и зрелищных видов спорта. В нём принято выделять четыре основных элемента: спирали, шаги, прыжки и вращения.

Шаги делятся на базовые и технические. С помощью базовых шагов спортсмен перемещается по катку и набирает скорость, а вот технические требуют особого мастерства.

Произвольное катание представляет собой исполнение сбалансированной программы, составленной из элементов произвольного катания. В соответствии с требованиями такая программа должна содержать не более трёх вращений с комбинацией, дорожку шагов, хореографическую последовательность и не более семи прыжковых элементов с обязательным прыжком типа Аксель. Каскад прыжков в свою очередь может состоять из одинаковых или разных одинарных, двойных, тройных или четверных прыжков.

Все элементы должны быть связаны соединительными

шагами и другими движениями при полном использовании поверхности льда.

В общем это если коротко, не вдаваясь в технические подробности.

А теперь вернёмся к моему прокату.

Есть ряд элементов, которые очень красиво и выигрышно смотрятся во время выступления. Их и собираюсь продемонстрировать лучшему тренеру страны.

Например сейчас я выполняю «качалку» – вращение, при котором свободная нога и корпус находятся в прямой линии, а тело ритмично колеблется. Со стороны это выглядит как вращение под постоянным углом к опорной ноге.

Насколько мне известно, этот элемент совершенно случайно изобрела фигуристка из Франции, когда на одном из выступлений потеряла равновесие.

Наклон. Руки за спиной. Нога вытянута. Держу центровку. Вращаюсь.

Возвращаюсь в исходную позицию. Двигаюсь вперёд.

Шаги, а дальше карандашик, демонстрирующий отличную растяжку. Это традиционный вид спирали. Моя опорная нога скользит по льду, а свободная поднята высоко наверх. Я усложняю себе задачу, выпуская стопу без поддержки.

Связка.

Ещё парочка обязательных элементов.

Набираю скорость.

Какое выступление без прыжков? Без них невозможно

представить ни одну программу профессионального фигуриста.

Ещё немного нудной теории. Есть прыжки зубцовые и реберные. К зубцовым относятся лутц, флип и тулуп. К реберным риттбергер, сальхов и аксель. Кстати, существуют и другие, не подходящие к данным категориям, – бедуинский, прыжок в шпагат. Из перечисленного самым сложным и одновременно с этим самым старым прыжком считается аксель.

Я начинаю с самого простого – тулуп или «петля на носке». После его исполнения я приземляюсь на правую ногу в той же позе, в которой находилась при отталкивании.

Дальше двигаюсь назад, делаю разворот вперед и после замаха правой ногой снова прыгаю.

Мне удаётся очень чисто выполнять двойные и тройные прыжки. С четверными ситуация сложнее, но и это я могу.

Внезапно становится очень шумно.

Каскад.

Ласточка.

Краем глаза замечаю зрителей, появившихся на трибуне. Судя по форме, на каток толпой пожаловали те самые хоккеисты, о которых упоминала Виолетта.

Пританцовывая и подпевая солисту Muse, двигаюсь по площадке.

Выполняю бедуинский прыжок – корпус строго параллельно льду, ноги совершают мощный круговой мах.

Отлично.

По памяти следую рисунку. Дальше идёт комбинация. Тулуп. Смена ноги. Вращение с позиции сидя – «волчок», выход наверх.

Слышу одобрительные возгласы и питаюсь этой энергией. Потому что очень скучала по выступлениям.

Немного хореографии. Дополнительные элементы. Потом тройной аксель. Страшно упасть, но приземляюсь почти без помарок.

До меня доносится свист.

Выполняя вдоль ограждения скольжение на одной ноге, бросаю взгляд на трибуну и почему-то из толпы парней-спортсменов сразу безошибочно выделяю Марата.

Он, как и все присутствующие, тоже внимательно наблюдает за мной и да, я успеваю отметить крайнюю степень удивления на его красивом лице.

Ладно. Не отвлекай меня. Впереди лутц.

Заход. Длинная дуга назад на наружном ребре левого конька. Туловище развёрнуто наружу. Приседаю на левой ноге, упираясь правым зубцом в лёд и выполняю прыжок.

Контролирую плечи. Приземляюсь, стараясь не заваливать корпус.

Шаги.

Спираль.

Ещё прыжок.

Хореография.

Что ж. Боюсь после длительного перерыва выполнять следующий элемент без должной подготовки, но желание продемонстрировать свои возможности берёт над страхом верх.

Настраиваюсь и концентрируюсь, собравшись с мыслями.

Я умею. Я делала это сотни раз и сделаю сейчас.

Вдох. Выдох. Хочу рискнуть.

Итак, обещанный и любимый мною кантилевер. Вне всяких сомнений, это один из самых сложных и красивейших элементов одиночного фигурного катания.

Поехали...

Согнув колени, напрягаю мышцы всего тела и сильно прогибаю спину назад, оставаясь в положении параллельно поверхности льда.

Задерживаюсь в такой позиции. Это называется скольжение на «остром ребре». Мне удаётся выполнить его и, судя по реакции парней, вполне себе успешно.

Мои случайные зрители свистят, громко кричат и даже аплодируют.

– Круто!

– Ай красава!

– Давай ещё! – подбадривают.

Улыбаюсь. Ну нет. Хорошего понемножку.

Возвращаюсь в вертикальное положение.

Докатав ещё несколько секунд, ухожу во вращение.

Заклон. Вертикальный бильман. Нога вытянута вверх за

спиной. Рука держит лезвие конька.

Замедляюсь.

Переход.

Финальная поза.

Музыка затихает.

Хоккеисты очень бурно реагируют на завершение моего проката, но я, часто дыша, бросаю взволнованный взгляд в сторону Немцовой и её дочери. Потому что первостепенно спортсмену важна оценка профессионалов.

Поправляю растрепавшийся хвост и еду к ограждению, ощущая бешеный стук сердца под рёбрами.

Притормаживаю у бортика. Жду комментарии.

На лице Виолетты неприкрытое изумление. Она таращится на меня во все глаза, словно не может поверить в то, что видела.

Эмма Багратовна молчит. Она не смотрит на меня. Что-то сосредоточенно пишет в своём блокноте.

– Я могу лучше, – собираюсь объяснить свои огрехи. – Три месяца на коньках не стояла и...

– Откатала недурно, – наконец начинает говорить Немцова, – для сельского уровня, – добавляет язвительно.

Ухмыляюсь.

Хотела уколоть? Так и я в ответ колоть умею.

– Погодите. Значит получается, что фигуристка из «села» выполняет кантилевер и тройной аксель лучше вашей претендентки на чемпионат России? Офигеть! Вот это у вас

здесь в столице уровень подготовки!

Багратовна поднимает на меня взгляд. В нём нет злости и раздражения, скорее заинтересованность.

Вздёрнув подбородок, выгибаю бровь.

Испытываю за себя гордость. Могу с уверенностью сказать: она меня наконец по-настоящему заметила и, пожалуй, впервые посмотрела на свою внучку не как на пустое место.

– Будешь тренироваться здесь, острячка, – произносит сухо. – Расписание и другую важную информацию сообщит Дина. Начинаешь завтра. Всё ясно?

– Ну раз вы настаиваете... – деланно равнодушно пожимаю плечами, с трудом сдерживая дурацкую улыбку, норовившую растянуть дрожащие губы. – Родной бабушке никак не могу отказать, – не сдержавшись, позволяю себе добавить.

– Пошла вон! – ожидаемо звучит в ответ.

Смеюсь и довольная собой разворачиваюсь, чтобы направиться к раздевалке.

Торжествую внутри.

У тебя всё получилось, Аська!

Глава 11 Друг

Марат

– Вчера пришёл приглашенный от Эммы. Что за приём у вас в субботу, зай? Вроде по важным датам ничего, а юбилей у неё только в следующем месяце, – хмурит разрисованную мордашку Эля. – Или я путаю?

– Не путаешь.

– И какой тогда повод? – вопросительно выгибает бровь.

– Повод у нас тут может быть только один, – цежу сквозь зубы.

Метр шестьдесят – шестьдесят пять ростом. Килограммов сорок пять весом.

– Какой? – продолжает тупить Красовская.

Устало вздыхаю.

– Это из-за Назаровой. Багратовна собирается официально представить её общественности.

Эля презрительно фыркает.

– А не до фига ли чести для этой убогой?

– Большой босс хочет реабилитироваться перед журналистами.

– Пипец. Куда катится мир? Какой-то самозванки ради съезжается вся элита!

Хмыкаю.

Самозванки. Знала бы ты, что прав у этой самозванки ку-

да больше, чем у меня.

– Ребята её не приняли. Травят, игнорят. Не, ну это логично, правда? Какая она в жопу Немцова?

Самая что ни на есть настоящая. В отличие от того, кто сидит напротив.

– Смешно, Марат. Пришла вся такая на образе в брендовых шмотках. Типа чтобы за свою приняли. Ага, как же! – закатывает глаза. – Откуда вообще нарисовалась спустя столько лет и на фига Эмме понадобилось тащить её в Москву?

– У Назаровой мать умерла. Она письмо подруге оставила. Та передала его Багратовне, – вкратце рассказываю историю.

– И чё? – невозмутимо хлопает ресницами. – Пусть бы чалилась в этом своём приюте! Это ж она теперь и живёт у вас, да?

Киваю.

– Нехило. Нет, ну как повезло ей, что мать умерла!

– Ты в себе, Красовская? Последний коммент перебор. По-моему, это даже для тебя слишком.

Она цокает языком.

– Да я в том смысле что она жила всю жизнь как нищесбродка, а тут ба-бах – и в семью миллиардерши попала. Пипец, везучая! Ну ничего, здесь ей точно не рады. Кайфовать не получится. Будет отгребать ежедневно.

– Слушай, давай не будем про неё.

Итак достало, что новоявленная Немцова повсюду. Дом, школа, лёд.

Последнее особенно бесит. Потому что это только моё!

– Ты прав. Обсуждаем не пойми что! – убирает зеркальце в сумку. – Ты лучше скажи, послезавтра идём на вечеринку к Царёву? Днюха как никак.

– Идём.

– Только проблема есть. На чём поедем? Тебе же тачку не вернули, да? – уточняет расстроено. – Моя ауди ещё в тюнинг-салоне. Не можем же мы тупо на такси туда приехать. Как-то стрёмно.

– А... То есть без тачки я тебе не компания? – смеюсь.

– Что за глупости, Маратик? – обнимает за шею. – Я просто мысленно накидываю варианты. – Кататься же по Москве собирались с ребятами.

– Да не парься ты так, я найду машину.

– Отлично! – сразу меняется в лице. – Я в тебе и не сомневалась! – тянется к губам, загадочно заглядывая в глаза. – Предки, кстати, на пару дней сваливают, – тон становится эротично-завлекающим. – Можем после вечеринки зависнуть у меня. Я по тебе соскучилась, – запускает пальцы в мою шевелюру. – Надоело по углам зажиматься. По-нормальному хочу, – заявляет капризно.

– Вот как? – выгибаю бровь. – Вчера ты была всем довольна.

– Нас чуть не застучали, – жалуется, при этом улыбаясь.

– Сама же говорила, что тебя это заводит.

– А ещё меня заводят цветы и подарки из ЦУМа, – шеп-

чет, поправляя ворот моей рубашки. – Ты помнишь?

Эля у нас мастер непрозрачных намёков.

– Помню.

Продолжаем начатое.

– Харэ так откровенно сосаться! Вы находитесь на территории приличного образовательного учреждения, – доносится до нас голос Глеба.

– Викторов, ты как всегда не вовремя, – пару секунд спустя вместо приветствия бросает Эля.

– И тебе салют, Красовская.

– У тебя такие синяки под глазами. На шарпея похож, – не стесняется она в высказываниях, поправляя волосы. – Патчи дать?

– Какие на хрен патчи?

– Обычные, Викторов, корейские гидрогелевые. Пятнадцать минут – и будешь как новенький. Отвечаю.

– Иди ты в жопу со своими патчами, – отмахивается от неё друг, опуская на глаза очки.

– Ладно, общайтесь. Не буду мешать. Пойду найду Шилу. Увидимся, – Эля целует меня в щёку. – И кстати, я ж надеюсь, вы оба уже проголосовали?

– Чё?

– Алё, – замечает коллективный когнитивный диссонанс. – Я про конкурс красоты, – напоминает раздражённо. – Кандидатов окончательно утверждают в понедельник. Так что не забудьте подойти к Кате сегодня.

– Тебя ещё не задолбалю? Каждый год самоутверждаешься, королева.

– Не задолбалю, – цедит сквозь зубы. – Кто ж виноват, Глебушка, в том, что у меня нет достойных соперниц?

– По поводу соперниц, там на стенде новенькая появилась.

– Какая ещё новенькая? – хмурит брови Красовская, в секунду включая боевой настрой.

– Ну как, сестра Марата.

– Она мне не сестра.

– ЧЁ?

Одновременно.

– Виктор, ты сейчас блин серьезно? – Эля в шоке округляет глаза.

– Иди посмотри.

– И пойду. Это чё за беспредел такой? Организаторы не в себе, что ли? Слепые? Как допустили?

Её как ветром сдувает. Несётся на своих каблуках к зданию гимназии.

– Здорово, Глебас, – обмениваемся рукопожатием.

– Привет.

– Ты как, бро? Новости есть?

При Красовской спрашивать не стал. Она не в курсе происходящего. Некоторые вещи при ней мы не обсуждаем.

– Есть, – тяжело вздыхает друг. – И новости эти, если честно, дерьмовые, – его взгляд направлен на стадион.

Звенит звонок и он начинает потихоньку заполняться школярами.

– Чё сказали? – откручивая крышку от бутылки, прощупываю осторожно.

– Ничего хорошего, – присаживается рядом. – У отца подтвердился рак горла.

– Твою мать. А стадия какая?

– Третья, – матерится, – сколько раз мы говорили ему, иди к врачу, оперируйся! Нет, ни хера! Упирался рогом! А теперь когда припекло, уже поздно!

Молчу.

Вообще без понятия, что в таких ситуациях говорить нужно.

– Мать ревёт круглосуточно. Не понимаю, как её успокаивать.

– Давай через Багратовну насчёт клиники швейцарской узнаю? – предлагаю, желая хоть как-то помочь, ведь дядя Саша близкий для меня человек.

– Ты же с ней в контрах.

– Да плевать. Это ведь для дела.

– Ну если можешь, – пожимает он плечом, – буду благодарен.

– Могу, – киваю.

– Сам-то как? Чё там нового в вашем замке с тюльпанами? Не отцвели ещё?

– Нет. Новый садовник изо всех сил старается сделать так,

чтобы его не турнули.

– Поговаривают, в эту субботу мероприятие планируется в честь твоей новоявленной систер?

– Глеб, я просил не называть её так.

– Сорян. Забываю, что вы с ней по крови чужие.

– Может тебе для памяти что-то пропить?

– О! Легка на помине.

И точно. Среди толпы переодетых в форму десятиклассников ногами, упакованными в шорты, угадывается Назарова.

Стоит с каменным лицом, делая вид, что её не колышет происходящее.

А происходит следующее: что-то там явно назревает, пока физрук задерживается.

– Красивая она, – неожиданно выдаёт друг, глядя в том же направлении. – Вот и бесятся, не даёт новенькая им покоя.

– Тебе, я смотрю, Назарова тоже покоя не даёт.

Не могу не связвить на эту тему. В прошлый раз, когда мы стали нечаянными свидетелями проката Назаровой, Глеб задолбал со своими восторгами.

Офигеть, это кто?

Как прыгнула высоко!

Видел, как круто она катается!

Видел. У меня глаза как бы тоже есть.

Фигура-огонь!

Такая тоненькая, а чё исполняет!

Гнётся во все стороны! Вот это растяжка!

Растяжку там вся команда заценить успела. И не только её. Тренировочное платье так-то не оставляет особого простора для фантазии.

– Познакомишь меня с ней?

В спину Назарову летит мяч.

Вычисляю падлу. Белобрысый Платон исподтишка бросает. Вот никогда мне этот лохматый не нравился.

– Марат...

– Сам знакомиться с тёлками уже не способен? – выталикиваю сердито, отмечая про себя, что мне отчего-то совсем не нравится озвученная им идея.

– Тебе сложно, что ли? Она ж твоя се... – осекается и не договаривает, прочитав мой взгляд. – Сорян, бро.

– У тебя есть прекрасная возможность проявить себя. Пойди заступись. Её там в круг взяли, видишь?

Отсюда с трибуны общая картина как на ладони.

– Вижу.

– И?

Время идёт, он тормозит.

Там уже явно началось что-то, судя по возне и шуму.

– Чё сидишь? – подстрекаю раздражённо. – Вперёд давай, герой.

Вот так с моей подачи Глеб знакомится Назаровой.

Сначала он затевает драку с белобрысым на поле, затем

подкатывает к ней в холле на перемене.

– Это Ася? – вытягивает шею подобно жирафу.

Ну вот опять. Чуть с балкона не валится придурок.

– Тебе надо проверить зрение.

– Со мной идти отказалась. Теперь ясно почему, – произносит он с досадой.

– Братан, ты совсем помешался уже? Откуда ей здесь взяться? Тут только свои.

– Да говорю тебе это она! У Соколовского в тачке.

Нахмурившись, бросаю взгляд в ту сторону, куда он палит. И офигеваю. В отцовской бэхе Соколовского действительно сидит Назарова. Приспущенное стекло позволяет увидеть их обоих.

Вот вольтанутая! У него ведь даже прав нет. Водит как недоразвитый. Уже дважды в ДТП попадал.

– Эт чё? Новоиспечённая Немцова? – спрашивает Шилова, когда эти двое выбираются из машины.

– Гляньте-ка, а Соколовский у нас прям джентльмен! Дверь открыл, ручку предложил.

– Ага. Как подменили.

– Вчера цветы притащил ей. Видели?

Букет и правда был. Назарова домой эту безвкусицу припёрла.

– Как вам платье? Свежая коллекция Versace, между прочим.

Да почему бы и нет за бабло Багратовны?

Насколько знаю, ей всю гардеробную брендовым шмотьём забили. Делегацию с вешалками лично наблюдал.

– Сидит оно на ней так себе, – цедит Красовская.

– А по-моему, нормально там всё сидит, – внимательно разглядывая девчонку, выражает своё мнение Глеб.

– У тебя глаза на жопе, Викторов? Где нормально?

– Везде.

– Где везде? – цокая языком, бесится Эля.

– Туфли Jimmy Choo... – продолжает сканировать наряд Шилова.

– На неё что не надень, Лен, всё равно деревней останется. Колхозница из Таганрога.

– Тольятти, – поправляет Красовскую друг.

– Чё?

– Ася из Тольятти.

– Да пофиг на название этого Мухосранска!

– Ну прямо картина маслом: золушка пожаловала на бал, – хмыкает Шилова, комментируя их проходку.

– Как бы эта золушка после полуночи в тыкву не превратилась, – язвит Красовская. – Нет ну какое свинство! Хватило наглости привести сюда эту самозванку!

– Ходят слухи, Царёв новенькую сам на днюху позвал, чтобы народ познакомился. Типа жест благородный.

И эта дура повелась. Где Царёв и где благородство?

– Припёрлась овца!

– Да расслабьтесь, гиены, – примирительно произносит

Глеб. – Пришла и пришла. Харэ плеваться ядом.

– Ой, Викторов, хватит. Защитничек хренов. Мы уже поняли, что у тебя на эту убогую детдомовку стоит.

– Ещё бы! Ты её шпагат, видела?

– Белов! – кривится Эля, толкая локтем одноклассника в бок.

По гимназии ходит ролик с участием Назаровой. Кто-то нарыл в соцсетях выступление с какого-то местного чемпионата. Плюс пацаны из моей команды видели её на льду.

– Пойдёмте вниз. Что мы тут так надолго зависли? Скоро игра начнётся.

Спускаемся на первый этаж и Красовская тут же тащит меня в толпу.

– Потанцуем? – улыбается, обнимая за шею.

– Эль, давай без этого. Я не люблю, ты же знаешь.

– Но я хочу танцевать, – капризно дует губы, когда убираю от себя её руки.

– Дань, составь компанию девушке, – цепляю проходящего мимо одноклассника.

– Марат! – доносится недовольное в спину.

Оставляю её с Беловым и покидаю импровизированный танцпол.

Настроение итак было дерьмовое, а теперь вообще упало в ноль.

Вот на хрена она сюда притащилась? Задолбала отсвечивать и мозолить глаза.

– О, Марат! – радостно приветствуют меня пацаны. – Сыграем партейку в бильярд?

Девчонка, естественно, становится объектом внимания присутствующих.

Надо отдать ей должное, держится стойко. С умом отвечает на колючие вопросы и участвует в дебильных играх. Например, конкретно в эту секунду засовывает руки в подсунутый ей спецом чёрный ящик и щупает ползающего по стенкам питона.

– Охренеть бесстрашная! – восхищается Глеб, когда Царёв этого самого питона вешает ей на шею.

– Безмозглая.

– За что ты так её ненавидишь?

Может за то, что незадолго до её появления моя привычная жизнь полетела к чертям?

Или может за то, что теперь в каком-то смысле она заняла моё место?

Вот так живёшь восемнадцать лет, а потом бац – и вдруг прямо в свой день рождения узнаёшь, что являешься не тем, кто ты есть. Что человек, которого всегда называл отцом, ни хрена не отец тебе. И семья – не семья. Чужие люди.

Сколько они собирались скрывать это? Как долго?

«Спасибо» тётке. Она, будучи подшофе, ляпнула странную фразу. А там уже дело техники – и документы я нашёл.

Последующий скандал за ужином Багратовна приняла, как всегда, спокойно с каменным лицом.

Ещё и новость нам потрясную преподнесла. Водрузив на нос очки, прочла вслух письмо от некой Ксении, которое ей умудрились передать через Дину.

Здравствуйте, Эмма!

Если вы читаете это письмо, значит всё-таки настал тот день, когда я вынуждена рассказать о своём секрете.

У Сергея есть дочь. В нашу последнюю встречу я об этом умолчала, поскольку прекрасно понимала, что вы не дадите ребёнку родиться, ведь он, как и я, стал бы для вас угрозой.

Асе шестнадцать. Она выросла хорошей, беспроblemной девочкой и скоро останется совсем одна, потому что я умираю.

Эмма, клянусь, я всеми силами эти годы старалась оградить свою дочь от вашей семьи, мы справлялись сами, но сейчас у меня просто нет выбора. Прошу вас только об одном: не оставьте её. Помогите встать на ноги.

Если вы проигнорируете моё письмо, имейте ввиду, весть о том, что у Немцовых есть кровная внучка, попадёт на центральные каналы и вам в любом случае придётся признать её своей.

Вот, собственно, так в нашем доме и появилась новая наследница.

– Прятки в темноте? – нахмурившись, повторяет Назарова.

– Ну да. Никогда не играла?

– Нет.

– Это у нас традиция такая, – поясняет Царёв и ребята кивают. – Мой старший брат держит квест-площадки по всей Москве. Одна из них, тестовая, находится здесь на территории. Поэтому иногда играем, – лениво пожимает плечом.

– И какие правила?

– Да вообще всё изи: надо спрятаться. Так, чтобы тебя не нашли.

– А если найдут? – хмурит брови.

– Задача молчать и не выдавать себя. Ну так что? Играешь с нами, Ася?

«Не соглашайся дура!» – призываю мысленно.

Но она, неуверенно кивнув, соглашается...

Глава 12 Прятки в темноте

Ася

Соколовский обманул меня.

Позвал на свидание якобы в кино, а в итоге привёз на вечеринку к своим друзьям мажорам. Точнее к Царёву, празднующему сегодня свой день рождения.

Именинник, кстати, сам приглашал меня на днях, якобы для того чтобы поближе познакомилась с коллективом, но идти сюда я не собиралась, ведь отношения с этим самым коллективом, учитывая обстоятельства, у меня довольно сложные.

– Да всё нормально будет, Ась. Немного потусим тут с ребятами и поедем кататься по Москве.

Так обещал Дима, когда мы стояли на пороге дома Царёвых, а меж тем пошёл уже третий час моего нахождения здесь.

И вот вроде бы, всё относительно спокойно, меня не трогают открыто, лишь жают неудобными вопросами, но отчего-то не покидает ощущение того, что это временно. Особенно когда начинаются подставы типа чёрного ящика со змеёй.

Теперь вот ещё прятки в темноте. Я в такое никогда не играла, поэтому немного теряюсь, когда меня первой запускают в лабиринт.

Ещё и голова странно кружится, хотя пила я только лимо-

над и ничего больше.

– Остальные сейчас пойдут. Беги прячясь, чё встала? – недружелюбно торопит меня сестра Царёва.

Беги. Легко сказать. Здесь ведь вообще-вообще ничего не видно. Кромешная тьма. Шлем ещё этот дурацкий. Мне сказали, что он для защиты нужен.

Проделав несколько шагов вперёд, понимаю: действительно нужен. Потому что можно по неосторожности удариться, например.

Вот я шупаю стену и она внезапно заканчивается, а руки касается свисающая с потолка цепь.

Шаг. Ещё и ещё.

Быстро передвигаюсь по узкому лабиринту, подгоняемая внезапно раздавшимся голосом некоего Злого Демона.

Спешу. То и дело упираюсь в тупик. Не сразу соображаю, что можно присесть и найти новые ходы в нижней полой части стены.

Там приходится опуститься на голые коленки. И та, которая заклеена пластырем, начинает саднить, соприкасаясь с полом.

Хорошо хоть туфли догадалась оставить. На них сюда точно нельзя. Убиться на фиг можно!

Осторожно ползу.

Поверхность под ладонью резко пропадает.

Падаю с горки куда-то в неизвестность и пугаюсь.

Однако напрасно. Попадаю в своего рода мягкий бассейн,

доверху набитый мячами.

Замираю.

Слышу, как переговариваются и смеются девочки, зашедшие в лабиринт.

Скоро к нам запустят охотников в лице парней, а я до сих пор так и не нашла хорошее укромное место, в котором могла бы спрятаться.

– Ай! – в ужасе кричу, когда кто-то вдруг крепко хватается меня за ногу. – Отпусти! – вырвавшись, бросаюсь в противоположный угол, попутно воюя с резиновыми препятствиями.

Вылезаю из бассейна с неистово колотящимся сердцем.

Хоть бы предупредили, что в игре будут аниматоры и подобные приколы!

Беспомощно вытянув руки вперёд, ощупываю окружающее пространство и, двигаясь вдоль стены, перемещаюсь в следующую комнату.

Пишиш!

Срабатывает что-то типа автоматического полива. В меня летят струи ледяной воды.

Это... Неожиданно, неприятно и очень холодно.

Пищу, обнимая себя руками, и поскорее вслепую пробираюсь дальше.

– Раз, два, три, четыре, пять – мы идём тебя искать, – произносит тот же жуткий голос, который уже звучал. Ещё и смех раздаётся злобный и противный. Мужской.

Всё. Игра началась. Парней запустили.

Как назло, в этот же самый момент упираюсь в тупик.

Возвращаться к ледяной воде не хочу, поэтому ищу варианты дальнейшего передвижения, но что-то никак не нахожу.

По кругу хожу. На третьем лжестена справа проваливается и я оказываюсь в соседнем помещении.

Путаюсь в каких-то сетках. Встаю. Приседаю. Застреваю ненадолго, но распутавшись, прохожу вперёд туда, где по ощущениям больше пространства.

Играет тихая музыка, нагнетающая атмосферу ужаса. Дым какой-то валит и как-будто бы температура в этой точке лабиринта ниже, как в холодильнике. Хотя, возможно, я просто-напросто замёрзла из-за того, что перед этим намокла.

Обследовав то, что вокруг, прихожу к неутешительному выводу: это подобие склепа или пародия на кладбище. Есть гробы. Есть поднимающиеся крышки, но ложится туда и мысли нет! Так себе локация!

Бросаю крышку, отряхиваю руки от пыли. Рядом что-то резко шуршит и словно, вспорхнув вверх, пролетает мимо.

Летучая мышь? Стараюсь не думать об этом.

Нащупываю шкаф. Открываю и на меня валится подвешенный светящийся скелет, щёлкающий челюстями.

Вздрагиваю.

Господи Боже!

В очередной раз испугавшись, торопливо засовываю его назад и удираю отсюда.

Налево. Направо. Опять упираюсь в тупик. А тем временем голоса и смех парней всё ближе.

Они не оставляют мне выбора.

Ну не гробы же? Я как-то морально не готова...

Приходится лезть в обнаруженный по правой стороне шкаф, потеснив при этом парочку скелетообразных, недовольно прогремевших костями.

– Ребята, здравствуйте! Я тут посижу чуть-чуть, ладно? – извинившись за вторжение, опускаюсь задом на деревянный настил.

Закусываю на нервной почве губу.

Досадно, что не удалось отыскать что-то понадёжнее.

Недовольная своим укрытием,двигаюсь глубже внутрь шкафа. Передвигаю своих невольных соседей на передний план, прислоняюсь к стенке спиной, прижимаю колени к груди и наконец выдыхаю.

Ну всё. Теперь нужно просто тихонько отсидеть здесь отведённое согласно раунду время и постараться сделать так, чтобы меня не нашли.

Замерев на месте, жду.

Охотники, исследуя соседние локации, шумно перемещаются по тёмному лабиринту и по моим ощущениям скоро будут тут.

Поправляю шлем и прислоняюсь им к деревянной поверхности.

У меня жутко кружится голова. Она тяжёлая и в целом

состояние организма странное. Хочется лечь и уснуть, однако я никак не могу понять, в чём причина.

Закрываю глаза. Думаю о надвигающихся выходных. Дина сказала, что в предстоящую субботу Немцовы устраивают большой приём в мою честь.

Как я поняла, из-за грандиозного скандала в СМИ появилась необходимость официально представить меня общественности. Вроде как, днём планируется провести видеосъемку. В дом приедут журналисты с центрального телеканала.

Забавно, но мне уже даже дали готовый сценарий выучить. Список вопросов и чёткие ответы. Чтобы ничего лишнего своим языком не ляпнула.

Особенно смешно было читать лживые ответы про взаимоотношения с семьёй. Взаимоотношения, которых нет.

– Назаровааа... – зовёт меня кто-то.

Резко встрепенувшись, выпрямляюсь и прислушиваюсь.

Предположить местоположение парней довольно трудно, но когда внезапно в стену кто-то бьёт рукой или ногой, я, отпрянув от неё, понимаю, что охотники по ту сторону.

Смех.

Шаги.

Они уже здесь. Судя по звукам, проверяют «гробы».

– Ты хорошо спряталась, Ася? – раздаётся где-то поблизости голос Царёва. – Забыл сказать. Если тебя поймают, придётся выполнить наказание, которое придумает коллектив.

Так что в случае чего беги. Правилами не запрещается.

Напрягаюсь.

Что ещё за наказание? Ни о чём подобном изначально и речи не было.

– Кыс-кыс-кыс...

– Назаровааа...

Почему акцент на мне? Ищут ведь целую команду девочек.

– Проверьте скамейки и шкафы, – командует именинник. Чёрт...

Моё сердце от волнения начинает стучать быстрее.

Вот сейчас они и найдут меня. Сто процентов.

– Её тут нет, – докладывает мой одноклассник Платон. Его я узнаю по голосу.

– У меня тоже болты.

– Всё осмотрели?

– Да. Спящая красавица очканула лечь в гроб.

– Погнали тогда дальше. Хрена тут топтаться?

Уходят и я с облегчением выдыхаю. Пронесло.

Только расслабляюсь, как вдруг створки шкафа резко открываются.

– Ку-ку.

Перекошенный рот на маске выглядит настолько устрашающе, что я, непроизвольно вскрикнув от неожиданности, выдаю себя с потрохами.

Секунда и меня хватают за руку, рывком поднимая с пола.

– Я нашёл Назарову. Она тут, пацаны! – орёт парням неизвестный.

Нашёл Назарову. Откуда знает, что это именно я? Здесь ведь темно.

Что-то странное происходит. Вспоминаются слова Царёва.

Если тебя поймают, придётся выполнить наказание, которое придумает коллектив. Так что в случае чего беги. Правилами не запрещается.

Резко дёргаюсь влево и мне удаётся вырваться.

– Эээ! Стой!

Незнакомец явно не ожидал от меня такой прыти. Теряется, а я, воспользовавшись моментом, удираю от него, устремляясь вперёд.

Попадаю в комнату с ледяным душем, но на этот раз вода льётся прямо с потолка, вынуждая увеличить скорость, дабы проскочить этот отрезок пути как можно быстрее.

– Зараза! Тормози сказал!

Парень движется следом, ругаясь матом себе под нос.

Я же сворачиваю направо. Щупаю стены и, отыскав лазейку, опускаюсь вниз, чтобы проползти в обнаружившийся мягкий тоннель.

– Где она, олух?

– Вырвалась и сбежала.

– Идиот!

– Далеко уйти не могла. Ищите!

По идее я должна оказаться в бассейне с мячами, но этого не происходит. Я попадаю в абсолютно другую комнату.

Босые ноги царапает нечто вроде перьев или соломы.

Спотыкаюсь обо что-то. Точнее, как оказывается, об ко-го-то.

Курицы. Они громко кудахчут, поднимая ненужный шум.

– Слышите? Она там!

Но я уже вслепую ползу по очередному тоннелю. И здесь декорации куда хуже предыдущих. По характерному писку и дотронувшегося до ноги хвоста распознаю всем известных грызунов, количество которых даже угадывать не берусь.

Господи, помоги мне!

Не знаю, как удаётся морально собраться и преодолеть этот живой коридор.

Отряхнувшись, встаю.

Целая. Не покусали.

– Назарова, ты где? – доносится эхом.

Прислонившись спиной к стене, пытаюсь отдышаться. Головокружение мешает нормально ориентироваться в пространстве, но я двигаюсь дальше, решив, что нужно просто найти выход и наконец покинуть чёртов лабиринт.

Упираюсь в ёмкость с водой. Небольшой бассейн, но обойти его не получается.

Возвращаться нельзя, поймают. Слышу, как переговариваются где-то поблизости.

– Ладно, ты справишься, – ободряюще шепчу сама себе. Приходится зайти в воду и проплыть до другой стороны. А не видно ведь ничего. Чуть что-то касается тела, пугаюсь. Особенно тогда, когда на меня неожиданно нападают и тянут вниз.

Ухожу с головой под воду.

Брыкаясь ногами, отбиваюсь как могу.

Получив свободу, выныриваю, хватают ртом воздух и шокированная выбираюсь из бассейна.

Бегу в пустоту, ощущая, как неистово лупит о рёбра сердце.

Останавливаюсь. Снимаю шлем, выжимаю волосы.

Кошмар, но надо двигаться вперёд. Где-то ведь есть выход?

Следующим этапом попадаю в лес. Что-то типа джунглей. Густые деревья. Свисающие с потолка лианы, имитация болота, ведь ноги то и дело проваливаются в какую-то жижу.

И да. Я всерьёз напугана, ведь теперь нет никаких сомнений в том, что и здесь могут быть какие-то обитатели.

До одного из них я, похоже, случайно дотрагиваюсь прямо сейчас и резко отдёргиваю руку.

Не может ведь дерево быть таким гладким и холодным?

– Боже-Боже-Боже...

– Девочка из Тольятти, ты где? – кричат преследователи.

Кое-как пробираясь сквозь ветки с искусственными листьями, молюсь лишь о том, чтобы этот ужас поскорее закон-

чился. Если бы знала, через что придётся пройти, участвовать ни за что не согласилась бы.

Страшно представить, что ещё создатели квеста подготовили для моей неокрепшей психики.

Полоса препятствий вдруг заканчивается, зигзагообразный коридор приводит меня в огромное помещение с высокими зеркалами. Здесь, на удивление, даже подобие лунного света есть. Поэтому свои многочисленные отражения я вижу.

И не только свои.

Роняю шлем.

Мой пульс резко учащается. Дыхание перехватывает.

Заметив человека в балахоне с маской на лице, отступаю назад, но тут же в кого-то врезаюсь.

Бросаюсь влево, однако и там один из охотников преграждает мне путь.

– Ку-ку!

Нырять за зеркало в правую сторону. Перемещаюсь между ними и только сильнее путаюсь. Потому что невозможно понять, где отражение, а где настоящий человек.

– Бу! – высокая фигура выныривает прямо из-за угла.

Делаю два шага назад и меня хватают со спины.

– Оп-па! Попалась?

– Нет!

Тащит в центр комнаты и присутствующие тут же образуют вокруг нас круг.

Их человек десять.

Выглядит это жутковато. Балахоны. Маски. Полутьма. Зеркала.

– Марат, скажи им, пусть остановят эту дурацкую игру! – прошу, надеясь на его благоразумие.

– Твоего брата тут нет.

– Да если и был бы. Ты разве не в курсе? Он тебя ненавидит.

– Можешь передать ему привет.

– Отпусти!

Отпускает, но довольно грубо толкает в спину.

Лечу вперёд. Упасть не дают. Ловят и перебрасывают в противоположном направлении. Снова толкают как куклу.

– Хватит! Перестаньте!

– Чё? Лимонад взбодрил? Весело тебе, Назарова?

– Да не. Всё веселье у нас впереди.

Смеются, а я вдруг осознаю и, покрываясь мурашками страха, с ужасом понимаю, что одна наедине с парнями. Что они загнали меня в ловушку и никто мне теперь не поможет.

– Ну-ка покажи нам свой шпагат.

– Давай-давай.

Паникую.

– Чё ещё умеешь?

– Не трогайте! Уберите от меня свои руки!

Со мной случается самая настоящая истерика. Чужие прикосновения противны. Кричу, дерусь, отбиваюсь и царапаюсь.

– Да ладно-ладно. Харэ орать, – Царёв первым стаскивает с себя маску. – Успокойся. Всё, отвалите, пацаны. Пошутили и хватит. Напугали девчонку до смерти.

Они смеются, а я готова разреветься. Из последних сил держусь. Не собираюсь доставлять им такого удовольствия.

– Ась...

– Я хочу домой. Выпустите меня!

– Это просто игра такая, расслабься.

– Да пошли вы!

– Ты, кстати, собрала большое число зрителей. Гости вечеринки с интересом следили за трансляцией в прямом эфире.

Можешь передать ему привет.

Значит Немцов сидит и смотрит вместе со всеми.

А чего ты ожидала от него, Ася? Может, сострадания и человечности? Не удивляйся, если всё это – вообще его идея.

– Выпустите меня! – стукнув кулаком по стене, повторяю требовательно.

– Разумеется. Дыши, подруга, – отвечает Царёв невозмутимо.

Достаёт что-то из кармана и протягивает мне.

Ключ на верёвке.

– Держи. Честно заработала. Дверь прямо за тобой.

Забираю ключ и проверяю его слова.

Оказывается, это на на самом деле так. Здесь и правда есть дверь.

Попадаю в замок не с первого раза, а когда это всё-таки случается, проворачиваю ключом два полных оборота.

Открываю дверь на улицу, вдыхаю полной грудью запах дождя, но едва это происходит, меня опять ограничивают в движениях.

– Мы с тобой не доиграли, Ась.

– Отпустите!

– Едем кататься с ребятами. Любишь кататься?

Понимаю, что автомобиль, припаркованный в нескольких метрах от выхода, находится здесь явно не случайно. Ещё и багажник открыт.

Именно там несмотря на отчаянную борьбу, я оказываюсь минуту спустя.

– Эй! Вы с ума сошли? Что делаете? – беспомощно бью ладонями по крышке.

– Платье пусть снимет сразу, – доносится до меня голос Ржевской.

Ну понятно. Она тоже здесь. Мстит.

– Слышала, Назарова? Сама справишься или помочь?

Зажмуриваюсь и качаю головой.

Вот ведь уроды!

– Молчишь? Значит вариант номер два? Правильно понимаю?

– Только тронь! – ору в ответ и он смеётся.

– Давай считаю до трёх. Насчёт три – сама отдаёшь тряпку. Раз. Два...

Багажник приоткрывается и я бросаю в него мокрое платье.

Спасибо, под ним есть спортивный бра и трусы-шорты.

– Вот и умница.

– Помогите! – в отчаянии кричу, но крышка вновь захлопывается.

– Ори сколько угодно. Всё равно никто не услышит.

Садятся в машину, заводят двигатель и на всю врубают музыку.

Мерседес, шаркая колёсами по гравию, срывается с места. Сперва движется не очень быстро, но потом, видимо, уже на трассе, набирает скорость.

Сколько едем, не могу сказать. Я ведь без часов и без телефона. Всё осталось в доме у Царёва.

Водит он, кстати, как ненормальный. Теплится во мне надежда на то, что эту его неадекватную езду заприметит ДПС, но увы.

Ударяюсь лбом, когда тормозит резко.

Господи, зачем же я пошла на эту чёртову вечеринку? Почему не прислушалась к внутренним ощущениям? Предполагала ведь: ничем хорошим дело не кончится.

Сначала организованная лишь для меня игра. Теперь это. Что задумали?

Ответ на свой вопрос получаю тогда, когда энное время спустя съезжаем на обочину.

Голоса. Смех. Звук пролетающих мимо машин.

– Вылезай давай.

Морщусь от света, когда открывают багажник.

– О, да у нас тут почти стриптиз!

– Было бы ещё на что смотреть, – пренебрежительно фыркает Ржевская.

Она стоит чуть поодаль, в компании каких-то девиц. Одну из них я видела в школе рядом с Маратом. Красовская, вроде, её фамилия.

– Мало я тебе по зубам настучала! – выбираясь из багажника, обращаюсь к Ржевской.

– Ты рот закрыла бы! А то останешься тут в лесу навечно, – угрожает одноклассница, прищуриваясь.

– И на будущее, новенькая. У нас один за всех и все за одного, – подмигивает мне Красовская.

Это я уже поняла. Как раз смотрю на свою сестру Мирославу. Она тоже здесь, с ними.

– Возвращайся назад в свою дыру, – любезно советует подруга Марата. – Ты же не тупая. Видишь, тебе тут в Москве совсем не рады.

– Спасибо за совет, но пожалуй, вот, – показываю ей средний палец.

– Ах ты дрянь!

– Всё, Красовская, – тормозит её Царёв. – Поехали, внимание лишнее привлекаем. А тебе, Назарова, – поворачивается ко мне, – новый квест. Задача – добраться до конечной

точки самостоятельно. Без шмотья и телефона.

Обнимаю себя руками. Отступаю чуть назад.

Поверить не могу в то, что происходит, но да, они поступают очень жестоко: расходятся по машинам и бросают меня поздним вечером посреди какой-то подмосковной трассы, которую окружает густой лес.

Глава 13 Жестокий розыгрыш

Марат

– Спокойно соберись. Я сам с ним поеду, – Глеб обнимает мать.

– Нет, давай я...

– Ну куда, мам? Ты в халате и тапочках. Бигуди на голове. Переоденься, возьми всё необходимое, потихоньку сложи. Водитель отвезёт тебя в клинику чуть позже.

– Сынок...

– Мам, пожалуйста, нет времени спорить.

Врачи скорой помогают Александру Олеговичу сесть в машину. Мужчина задыхается и выглядит плохо. С нашей последней встречи он очень изменился. Осунулся, похудел и даже как будто постарел лет на десять. Непривычно видеть его, сильного и здорового, вот таким.

– Приложите маску к лицу и займите горизонтальное положение, – обращается к нему фельдшер.

– Что ещё за хреномаска? – он смотрит на неё с недоверием.

– Вам будет легче дышать.

– Мне станет легче дышать, если вы вырежете из горла ту треклятую дрянь, что там разрослась.

– Саша... Пожалуйста, давай слушаться врачей, – просит жена. – Они ведь помочь тебе хотят. Надо следовать всем

рекомендациям.

– Да надеваю, Ир. Не нуди.

Водрузив на себя маску, покорно ложится.

Встречаемся глазами и дядя Саша поднимает вверх два пальца, мол, показывая мне, что всё в порядке.

Да только ни фига это не так.

– Бэху Марат вернёт завтра, мам. Ему сестру надо с вечеринки забрать.

– Хорошо.

– Всё давайте, мы поехали.

– Я на связи, бро, – хлопаю друга по плечу и провожаю до машины скорой.

– Позвони мне из клиники. Держи в курсе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.